

Патьяна Алюшина

В огне
аргентинского танго

Еще раз про любовь

Татьяна Алюшина

В огне аргентинского танго

«ЭКСМО»

2014

Алюшина Т. А.

В огне аргентинского танго / Т. А. Алюшина — «Эксмо»,
2014 — (Еще раз про любовь)

ISBN 978-5-699-74972-0

Между Лизой и Глебом лежала целая пропасть: ее возраст, его семья... Но аргентинское танго неумолимо закружило их, сделав вдруг возможным самое невероятное. Всем, кто смотрит на пару, ясно: Лиза и Глеб созданы друг для друга. Только смогут ли ни быть вместе вне танцпола?..

ISBN 978-5-699-74972-0

© Алюшина Т. А., 2014

© Эксмо, 2014

Татьяна Алюшина

В огне аргентинского танго

«Отчего у нас в России такая тяжелая, неприглядная ранняя весна? Кажется, что зима все тянется и тянется и конца ей не будет и края. Вроде уж и морозов нет, но промозгло, тоскливо и неудобно. И эти черные, какие-то сиротские голые ветки деревьев, выпростанные в низкое свинцовое небо, размякшая темная земля... А грязные подтаявшие сугробы, у которых такие острые, льдистые края, словно когтистые лапы издыхающих чудищ, которыми они цепляются за эту мокрую, черную землю и никак не хотят сдаваться?! А холодный, пронизывающий ветер?! Все уныло и так безнадежно, словно ничего хорошего впереди».

Сидя на заднем сиденье машины, откинув голову на подголовник, Лиза смотрела на пролетающий за окном безрадостный пейзаж. Тоскливые, угнетающие мысли так соответствовали ее сегодняшнему настроению.

«Даже самая поздняя осень не вызывает такой тоски, как эта ранняя весна. Может, потому, что осенью еще жива память о недавнем лете и еще горячи воспоминания и звенящая летняя легкость бытия. Да и осень сама красивая с ее багрянцами, взрывом красок, тонкостью какой-то душевной. И потом, как только холодней становится, там и снежок полетел, еще совсем молодой, белый, красивый и радостный. И зиму ждешь в предчувствии праздника, ведь впереди Новый год и всякие снежные развлечения вроде лыж, коньков и снеговиков со снежками. А к весне этот снег, плотно присыпанный городской грязью, реагентами, мусором и собачьими какашками, осточертел уже по горло, и на лыжи ты хорошо если пару раз встал за сезон, коньки так и вовсе с антресолей не доставал за суетой вечной и ленью. И уже скорей бы тепло, а оно никак не наступает, и все новогодние каникулы давно прошли, а впереди единственный и самый большой праздник – лето! А никак – холод, зябкость, черная земля, черные деревья, грязные сугробы, ветер холоднящий и вечная российская тоска...»

Вдруг совершенно неожиданно сквозь низко зависшие тучи, настойчиво предупреждавшие, что вот прямо сейчас непременно хлынет дождь, прорвалось, совсем на чуть-чуть, уже скатывающееся за горизонт солнышко, одним живучим, прощальным, но настойчивым лучиком, который лег Лизе на щеку, согрев, и она улыбнулась и даже пальцами потрогала его теплоту на коже.

«Зато солнце уже совсем другое! – оптимистично возразила она своим унылым рассуждениям. – Уже припекающее, высокое и, если выходит, пробивается из-за туч, то сразу чувствуешь, как пригревает! И чего я в негатив-то ухнула? Весна же все-таки! Еще немного, и расцветет все вокруг, и как зазеленеет! Ну в самом деле, чего я раскисла, а?»

Причина имелась, и вполне себе неприятная и грустная, но о ней думать совсем не хотелось. Скорее так: больше уже не хотелось – сколько можно! И так последние два дня Лиза только об этом думала и размышляла – о маленькой девочке Настеньке.

«Хватит», – остановила себя девушка. В голове бесконечно прокручивались мысли о Настюше, о ее сложных родственниках, варианты того, что можно сделать, чтобы разрешить непростую ситуацию на благо ребенка.

«Ну, действительно, хватит! – разозлилась она на себя. – Сколько можно! Ты же уже решила, что делать и какие предпринять шаги, хватит это бесконечно мусолить! Между прочим, ты едешь на большой праздник, и не фиг тащить туда свои и особенно чужие проблемы!»

Да, семейное торжество!

И Лиза разулыбалась, вспомнив виновника большого семейного сбора – любимого деда Антона.

Первое Лизино воспоминание о дедушке – это его большие, теплые, сильные и очень надежные руки. В детстве она была ужасной непоседой, могла день напролет бегать, пры-

гать, скакать, лазать везде, особенно там, где строго-настрого запрещалось взрослыми, носилась «как оглашенная», по меткому выражению бабушки. Такая необычайная энергичность ребенка, разумеется, весьма сильно напрягала и держала в тонусе окружающих – ну, а как упадет, ушибется, разобьется. Всяческие ужасы, составляющие детский травматизм, предполагались всеми взрослыми после первых же минут общения с неугомонной Лизой.

Родители постоянно находились в готовности «номер один»: хватать, спасать – и вечно ее останавливали, вылавливая из разных труднодоступных мест, куда она умудрялась залезть, осваивая и познавая мир с особым рвением. Своим детским обостренным чутьем ребенок эту настороженность взрослых всегда ощущал, особенно, когда ее брал кто-то на руки и, как правило, удерживал и прижимал к себе гораздо сильнее, чем требовалось. И маленькая Лиза, считывая нервозность взрослых, нервничала и напрягалась в ответ.

Странное дело, но Лиза до сих пор помнит те свои, почти младенческие ощущения, такая вот уникальная память. И точно знает, что только в руках деда Антона она чувствовала абсолютную защищенность, спокойствие, теплую уютность и, как ни странно, – свободу. Он позволял ей выделывать любые кульбиты и кренделя, никогда ничего не запрещал, а только посмеивался всем ее выкрутасам, вовремя подстраховывая и поддерживая.

Ну, еще бы! Долгое время Лизавета являлась самой младшей внучкой в семье, к тому же дед всегда хотел девочку, и чтобы она была похожа на его любимую жену Асеньку. А тут и девочка в их мужском царстве, да к тому же младшенькая, и на бабушку похожа, как по заказу. Баловали ее все, а в особенности дед, уж он ей позволял все и никогда не ругал, что бы ни вытворила.

Вот это ощущение абсолютной защищенности и полной свободы, исходящее от него, от его улыбки, уверенности, от его большого тела и сильных рук, Лиза чувствовала и помнила всю свою жизнь.

После «Беды», как называли в семье ту далекую трагедию, целых полгода маленькая Лиза могла спокойно заснуть только на руках у бабушки, так что деду с бабулей пришлось на какое-то время переехать к внучке.

А еще она помнила его запах. Аромат смолистых бревен, доброго домашнего огня, мужской запах чистой кожи и мыла «Таежное». И это был такой родной, потрясающе прекрасный аромат – беззаботного, счастливого до неба детства, который не сравнится никогда и ни с чем.

Дед ужасный чистюля и в чем-то большой педант. Каждое утро он отводил полтора часа зарядке, Лиза помнила, как просыпалась под сосредоточенное сопение и пыхтение в соседней комнате, где дед Антон делал упражнения. И она выбиралась из постельки и бежала ему мешать, а он только посмеивался ее баловству, не прерывая своих занятий.

После зарядки по расписанию всегда обязательная прогулка бодрым темпом по окрестностям, после которой дед долго и с удовольствием намывается в душе, всю жизнь признавая только мыло «Таежное», которое по нынешним временам не очень-то и найдешь. Последний раз дядя Андрей «надыбал» этот артефакт черт-те где – где-то на Севере, в леспромхозном сельпо, куда его занесло в одну из командировок. Так он купил и привез деду целый ящик, правда, не полный «боекомплект», а без трех уже купленных кем-то брусочков:

– Вот, папа, теперь надолго хватит! – порадовался сынок, доставая из багажника, не поверите: настоящий деревянный ящик с мылом. Такие, наверное, еще во времена Отечественной войны делали. А этот совсем новенький, и дерево не потемнело.

– Посмотрим, – усмехнулся дедушка.

А еще дед имел уникальное хобби – он вырезал всякие замысловатые фигурки из дерева, очень красивые, иногда как настоящие произведения высокого искусства. Маленькой Лизе разрешалось играть ими сколько и как ей заблагорассудится: этому ребенку в доме бабушки и дедушки позволено все. Они с бабулей целые кукольные представления устраивали, даже

писали какие-то незамысловатые сценарии, шили для этих фигурок костюмы всякие и потом разыгрывали перед зрителями спектакли.

И теперь деду Антону исполняется девяносто лет!

Девяносто!

И так удачно эта красивая дата выпала – на субботу, как подгадал прямо, когда родиться. Вот и собирается родня и близкая, и дальняя, и друзья его из тех, кто жив еще. Отец Лизы и дядя Андрей, его родной брат, с женами уж неделю, как там находятся, готовят торжество. Не простые посиделки за накрытым столом, а целое представление, с поздравлением от городских властей и Совета Ветеранов, с концертом и еще какие-то мероприятия, Лиза не вникала. Ну, во-первых, большая часть этих приготовлений являлась сюрпризом для гостей, а во-вторых, организация масштабных мероприятий никогда не числилась в ряду ее интересов и талантов.

Но начиная с прошлой пятницы и по сегодняшний четверг она постоянно улыбалась, когда звонила Надя, жена отца, или сам отец и рассказывали, как идут приготовления. Улыбалась, представляя себе радостно-удивленные лица деда и бабули, и испытывала теплую, немного щемящую грусть. Грусть по своему прекрасному, бесшабашному, свободному и такому короткому, слишком рано закончившемуся, счастливому детству.

А оно у неё было абсолютно счастливое – любящие родители и совершенно потрясающие бабушка с дедушкой!

Это целая великолепная, чудесная история – лето у бабушки с дедом! В их замечательном доме на берегу притока реки Цны, утопающем в пене яблоневого цвета! Несколько дней перед отъездом превращались для Лизиных родителей в сплошной кошмар – дочь носилась по квартире, собирала свои вещи и игрушки, требовала ехать «прямо сейчас и немедленно» и изводила их бесконечными вопросами, когда же они уже поедут, в самом деле!

Ну вот, свершалось! Папа сажал дочку с женой в старенький «Фордик», и они ехали в Тамбов. Всю дорогу Лиза смотрела в окно и громко сообщала родителям, что интересного увидела. А когда начинались знакомые места, отбоя не было от ее непрекращающегося требовательного вопроса:

– Мы скоро приедем?

Мама закатывала глаза к небу и разводила руками, изображая бессилие перед этим напором, а папа посмеивался и каждый раз отвечал:

– Совсем скоро.

И когда, наконец, это «совсем скоро» все-таки наступало, Лизка, с восторженным визгом пробежав по дорожке, мощенной круглыми деревянными большущими спилами от калитки до дома, влетала в распахнутые двери, ее переполняло такое счастье, что от переизбытка чувств она хохотала и прыгала, и носилась по всему дому, и кидалась обниматься и целоваться со всеми, и кричала о своей любви и радости! И взрослые, заражаясь ее энергией и неумным, брызжущим во все стороны детским счастьем, начинали громко смеяться, обниматься, на ходу что-то бестолково спрашивая и отвечая. Потом все шумно усаживались за щедро накрытый стол.

У нее потрясающая бабушка! Удивительная! Она такая женщина! Женщина в высшем понимании этого слова! Это океан женственности, какой-то милой, нежной беззащитности и утонченности. Оказываясь рядом с ней, все мужчины, независимо от возраста и социального положения, сразу же становятся суперменами, подтягивают животы, распрямляют спины и готовы на что угодно, чтобы оградить эту женщину от страшного мира. Каждый жест, каждое ее движение, взгляд выразительных карих глаз, дыхание наполнены этой истинной женской сущностью, грацией, какой-то загадкой и доверием к мужчинам. Уникально. Сейчас таких женщин практически нет. Ведь при всей кажущейся хрупкости, нежности и этой особой женской беззащитной доверчивости бабушка – человек невероятно сильной воли и мужественности. Но вся ее жизнь окружена и наполнена истинно женскими вещичками, знаниями и тайнами.

Этот неповторимый запах и дух дома, который бабушка Ася соткала, как волшебство, состоял из позабытых песен, кружевных воротничков на милом платье, горячей сдобы с ванилью и корицей, пасхальных куличей и капустного пирога. А еще в нем было немного увядающих роз, лаванды и миндаля, и почти выветрившихся духов «Шанель № 5», и еле различимая нотка мастики, которой натирали паркет... Старые выцветшие фотографии в замысловатых рамках, виниловые пластинки и плетеные кресла, теплые пледы ручной вязки и милые подушечки в тон к ним, кресло-качалка возле уникальной печи-камина, на котором лежит оставленная бабушкой воздушная шаль, а рядом на полу плетеная корзинка с клубками, спицами и вязанием... Голос Вертинского из старого проигрывателя, бабушкина помада и кремы на ее старинном трюмо в спальне, ее маленькие туфельки в гардеробной комнате, залетающие летом, через открытые окна-двери лепестки цветущих яблонь, большой сундук с ее «тайнами», как она в шутку называет хранящиеся там всякие памятные, дорогие ей вещички, и еще много разных ноток и нюансов, составляющих жизнь бабули и бесконечно очаровывающих Лизу своей загадочностью, этой самой истинной женственностью и умением так наполнять свою жизнь смыслом, красотой и сказочным уютом.

И еще лампа с большим зеленым абажуром над круглым столом.

Этот зеленый абажур – вещь в их семье легендарная.

Бабушка с дедом перевозили его с собой в каждое новое жилье. Долго выбирали место, где будет стоять большой круглый стол, причем им не всегда являлся центр комнаты. Только бабушка Ася понимала и знала, где именно должен стоять семейный стол. Мужчины в лице деда Антона и двух ее сыновей никогда не спорили, не задавали лишних вопросов, а молча делали новую проводку, чтобы торжественно повесить над столом лампу под абажуром.

Но как же замечательно сидеть всей большой семьей под этим загадочным зеленым светом, который, будто обволакивая, окружает вас, словно заключает в магию безопасного семейного круга. Как мистика, тайна.

Как встреча бабушки с дедушкой...

Антону Потапову исполнилось семнадцать лет, он только что закончил школу, когда началась война. Весь его класс, двадцать два мальчика и девять девочек, отправились в военкомат записываться добровольцами на фронт. Их не взяли, сказали, что подрасти всем еще годик надо, а сейчас и без них разберутся, ведь через месяц, максимум два Красная армия разобьет немцев и погонит до самого Берлина, где и прикончит врага в его логове. Дети загрустили и отправились по домам, а Антон, прямиком из военкомата зашагал в другую сторону – поступать в известное летное училище.

В то довоенное, насыщенное до звона в сердце патриотизмом время одним из главных увлечений молодежи была авиация, гремевшая своими достижениями, спасательными операциями полярников, дальними перелетами через океаны и легендарными летчиками. Разве мог не увлечься этим романтическим героизмом красавец-здоровяк Антоша Потапов, первый заводила, генератор безумных идей и еще более безумного воплощения их в жизнь, головная боль всех учителей, неутомимый, бесстрашный, бесшабашный придумщик и безоговорочный лидер класса?! Разумеется, он занимался в аэроклубе, и летал, и прыгал с вышки с парашютом, и закончил учебу, налетав кучу часов и освоив самые сложные фигуры полета из тех, которые им преподавали.

И естественно, что в летное училище его приняли сразу. А через полгода всех добровольцев, в том числе и одноклассников Антона, уже брали на фронт без всяких вопросов и отсрочек – не удалось Красной армии справиться с врагом за два месяца. Антон ужасно переживал, что его друзья уже воюют с фашистами, бьют врага, защищают Родину, а он вынужден сидеть тут, в тылу, и рвался воевать, учился, как одержимый, чтобы стать первым, а по ночам писал друзьям письма на фронт.

Из всего их класса в живых осталось три девочки и два мальчика – он и Петька Бармин. Все полегли.

В сорок втором и Антон уже воевал. И прошел всю оставшуюся на его долю войну. Всю. Полной мерой! До Берлина и чуть дальше.

Дважды горел в самолете, четырежды прыгал с парашютом из подбитой, падающей машины, один раз приземлился за линией фронта с простреленной ногой и добирался к своим двое суток, ранений разной степени тяжести не перечесать, контузия.

Выжил. Чудом, скорее всего, или хранил кто.

Демобилизовался он в чине майора и вернулся на родину, в свой город Тамбов. Ни родных, ни близких – мама умерла еще до войны, в тридцать девятом, от крупозного воспаления легких, а отец с братом сгинули на войне, он на них похоронки в один день получил, и друзья детства там же все остались.

Вернулся, а квартира, в которой жила его семья, занята эвакуированными. Требовать выселения или права свои качать Антон не стал, пошел в жилконтору, где его поблагодарили за понимание, клятвенно пообещали, что личные вещи семьи ему отдадут в целости и сохранности, и выдали ордер на комнату в коммуналке, пустую, грязную, с разбитым окном и серыми облупившимися стенами. Из всей «обстановки» – колченогий стул.

«Ничего, обживусь, – оптимистично решил brave майор, – крыша над головой есть, а там жизнь наладим!»

Пошел в магазин и купил матрас, самый широкий, который мог найти, так ему хотелось спать вольготно, намаявшись за войну на узких казенных койках. А вот кровать двуспальную найти не удалось, так он не растерялся, заказал у столяра, которого встретил на рынке. И после первой же ночи, проведенной на полу на матрасе, на сквозняке, нещадно тянувшем от разбитого окна к огромной щели под дверью комнаты, разболелся так, что попал в госпиталь.

К утру у Антона поднялась температура под сорок. Он кричал и метался в потном бреду, находясь все еще там, в непрекращающемся бою. Соседи, с которыми он так и не успел толком познакомиться, перепугались ужасно, услышав посреди ночи громкие крики, пытались его разбудить, прикладывали мокрое полотенце к голове, обтирали холодной водой, а когда поняли, что дело совсем плохо, вызвали врача, и Антона, так и не пришедшего в сознание, увезли в госпиталь.

Ася родилась в Москве. Ее папа работал начальником отдела кадров на большом известном заводе, а мама врачом в ведомственной больнице того же завода. В тридцать седьмом году их арестовали, папу вскоре расстреляли, а маму отправили в лагеря на двадцать пять лет. Не перенеся этого горя, бабушка, мамина мама, с которой осталась Ася, умерла от инфаркта через два месяца. Девочку отдали в детдом для детей репрессированных.

В октябре сорок первого их детский дом эвакуировали, да только без Аси. Случилось так, что за два дня до эвакуации она сильно заболела. Один малыш из младшей группы, забавный и непоседливый пацан, свалился в фонтан, из которого за суетой сборов и по недосмотру завхоза позабыли спустить воду. Ася единственная находилась недалеко и видела, что случилось. Она, конечно, кинулась спасать ребенка. Мальчишка перепугался и все хватался за нее, мешая, и она слишком долго ковырялась в воде, оскальзываясь, падая, снова поднимаясь. Пока дотасила пострадавшего до корпуса, пока объясняла, что случилось, пока мальчишку срочно раздевали, растирали и переодевали, за суетой все как-то позабыли, что и Асе не мешало бы согреться. Она, разумеется, переоделась, растерлась насухо и даже горячий чай выпила, но оказалось поздно – к вечеру поднялась температура, а к утру Ася уже лежала в тяжелой горячке.

Асенька, хоть и была маленькой, миниатюрной девочкой, казавшейся хрупкой фарфоровой статуэткой, но на здоровье никогда не жаловалась. Напротив, никакие хвори ее не брали,

она была первой бегуньей по лыжам среди всех, и закалялась, обливаясь холодной водой, как научила ее одна из воспитательниц. И ни разу не болела. Никогда.

А тут такое! И непонятно почему, не так уж и холодно было. Не в Баренцево же море она, в конце-то концов, упала зимой, подумаешь, фонтан, воды по пояс, да еще тепло было...

Но что случилось, то случилось.

И возникла большая проблема. Детский дом уже вывозят, а она мечется в горячке. С собой девочку везти нельзя, в больницу ее брать категорически отказались.

– Да вы что! – возмущалась главврач детской больницы, куда привезли на «неотложке» Асеньку. – Сами ждем эвакуации со дня на день, немец в ста километрах. Да и не возьму я ребенка репрессированных. Вы уедете, а мне что прикажете с ней делать, если она поправится? Этим детям положено находиться в закрытых учреждениях! Вот там пускай и находится!

Привезли ее обратно в детдом. Вообще-то умирать – все понимали, что без надлежащего лечения и ухода у ребенка нет шансов. А какой там уход, этот ребенок был только обузой и не нужен никому... Скорее всего, Асю так и отвезли бы в какой-нибудь изолятор милиции, но тетя Зина, нянечка из детдома, заботливая, всегда жалевшая всех деток, вызвалась остаться с девочкой и присмотреть за ней. Все взрослые понимали, что «присмотреть» означает только одно: дожидаться, когда ребенок умрет. Выдали тетя-Зине каких-то медикаментов, продукты на десять дней, выделили в помощь сторожа, старого татарина, и оставили с девочкой в опустевшем детском доме.

Но Ася не умерла. Двое суток металась в бреду и поту, но невероятным, чудесным образом выжила, пришла в себя. Сердобольная тетя Зина выходила ее и поставила на ноги. А вместе с выздоровлением поднялся и вопрос: что дальше? Куда девать ребенка?

– В Тамбов поедem, родственники у меня там, – решила тетя Зина. – Надо отсюда уезжать, детка, нельзя нам здесь.

– Как же мы уедем? – засомневалась уже много чего понимающая в этой страшной жизни детдомовца девочка. – Разве мне можно вот так с кем-то уехать, а органы?

– Я придумаю что-нибудь, есть у меня один знакомый, – пообещала загадочно тетя Зина.

Что там был за знакомый, для Лизы так и осталось навсегда тайной, но нужные документы и разрешение Зинаида Макаровна выправила, да и, правду сказать, в те страшные первые месяцы войны, когда немец рвался к Москве, сея вокруг панику и ужас, никому дела особого не было до маленькой заболевшей девочки, отставшей от эвакуированного детдома.

Так они оказались в Тамбове с тетей Зиной, ставшей волей судьбы в тот момент для Аси единственным близким человеком. Их приютила двоюродная сестра тети Зины, и она же помогла устроить девочку в обычную школу, а на следующий год – поступить в медучилище, договорившись со своими знакомыми, работавшими там, что девочку примут на общих основаниях.

В четырнадцать лет Асеньке выдали койкоместо в общежитии, и с этого момента началась ее взрослая самостоятельная жизнь. Очень трудная и совсем голодная жизнь. Но тетя Зина подопечную не забывала, помогала, чем могла, иногда подкармливала. Так и выжила Асенька.

А в сорок пятом она уж практику в госпиталях должна была проходить, но тут возникло одно неприятное препятствие – главврач того госпиталя, куда ее направили по распределению, категорически отказалась брать девушку на работу:

– Мне здесь дети врагов народа не нужны! Как вас вообще в медицину взяли?! Да мало ли что у вас на уме! А у нас тут препараты, наркотические средства, больные, в конце концов, все военнослужащие!

Пришлось Асе самой искать себе место работы. И ее взяли в первом же госпитале, куда она обратилась. Замечательная женщина Василиса Васильевна Донская, великолепный хирург и главный врач госпиталя, тяжело вздохнула, выслушав историю девочки, устало потерла ладонью лицо и сказала:

– Я тебя беру, мне кадры нужны, у меня две медсестры замуж за выздоровевших пациентов повыскакивали и укатили с мужьями. А насчет врагов народа, так ты наверняка и сама все знаешь. Закрыты вам многие дороги, в этом моя коллега права. Но меня можешь не бояться.

А Ася уже ничего не боялась – такого натерпелась за годы после ареста родителей, такую школу выживания прошла, что уже ничего не боялась. Даже смерти.

Жить ей было негде, тетя Зина умерла в сорок четвертом от сердечного приступа, и только тогда Ася узнала, что этой замечательной женщине было уже за шестьдесят и она давно страдала сердечными болями, только не говорила никому. Осталась Ася совершенно одна. Двоюродная сестра тет-Зины, хоть и сочувствовала сиротке, но у самой жизнь нелегкая, свои проблемы, и приبلудная девочка ей была совершенно не нужна – перекрестила, дала кусочек хлеба и попрощалась навсегда.

По правилам Асе полагалось общежитие, но она оставалась ущемленным в правах элементом, а мест в общежитии всегда не хватало... Помогла Василиса Васильевна: распорядилась, чтобы для новой медсестрицы поставили койку в закуточке под черной лестницей, где Ася и устроилась со своим небольшим узелочком с вещами. Спать практически не приходилось, медперсонала не хватало, вот и звали ее всякий раз помогать, когда запарка в госпитале случалась. А случалась она постоянно.

Как-то в одно из ночных дежурств Асеньку срочно вызвали в приемный покой – привезли тяжелого пациента. Первое, что подумала Ася, войдя в кабинет, что этому пациенту повезло – принимала его Василиса Васильевна, а она гениальный доктор, она таких больных спасала, совсем безнадежных, вот какой доктор! Вообще-то главврачу не положены ночные дежурства, но Донская частенько задерживалась в госпитале после своей смены, порой и до утра оставалась.

Когда Ася посмотрела на больного, у нее перехватило что-то в груди и сердечко застучало быстро-быстро, она даже ручку к груди прижала, удивившись, что это с ней такое происходит. Он был весь такой большой – высокий рост, широкие плечи, большие руки-ноги, – чувствовалась необыкновенная сила и мощь в этом человеке, который метался в бреду, размахивая руками, крутил головой и что-то выкрикивал. Санитарки Петровна и Ольга Павловна еле удерживали его, чтобы он не свалился со смотрового стола.

– Ася, что ты застыла! – громко окликнула ее Василиса Васильевна, выдергивая из минутного замешательства. – Успокоительное, срочно!

– Да! – кивнула Асенька и кинулась исполнять приказ.

Она сделала укол и стояла рядом, и все смотрела на него, пока его раздевали санитарки, а Василиса Васильевна внимательно прослушивала фонендоскопом его легкие.

– Что с ним? – почему-то шепотом спросила Асенька.

– Что? – доктор погладила больного по мокрым от пота, всклокоченным волосам. – Война с ним, Асенька. Война, которая была и которая закончилась. Мальчишка ведь совсем, двадцать один год, а полголовы седая, три тяжелых ранения, контузия... Психика и организм человека так устроены, Асенька, что в моменты наивысшего напряжения, опасности, трудных обстоятельств он мобилизуется, как бы собирается весь, игнорируя раны, болезни, травмы, а в мирное время словно отпускает себя, и недолеченные ранения, боль, болезни обостряются все разом. Мальчишки глупые геройствовали, сбегали на фронт из госпиталей, не пройдя полный курс реабилитации, до конца не долеченные, истощенные постоянным многолетним напряжением, ранениями. У этого вон смотри, – она указала на воспалившийся страшный рубец на боку, – видно же, что шов расходился и его снова зашивали, значит, сбежал в часть, как только швы сняли, а уж в полевом госпитале новые наложили. Ему двадцать один, а он майор, вон документы. – Она кивком головы указала на стол, продолжая успокаивающе гладить парня по голове. – Орденов, медалей на всю грудь, значит, не щадил себя, лез в самое пекло... – она вздохнула горестно. – Вот ведь мирная жизнь началась, а они умирают.

– А он... – задохнулась от внезапного страха Асенька и приложила испуганным неосознанным жестом руку к горлу.

– Не знаю, Ася, – не стала успокаивать Василиса Васильевна. – Тяжелый он, нужна срочная операция, но делать ее пока нельзя, слишком высокая температура, и сбивать ее препаратами тоже нельзя. Замкнутый круг. Будем пытаться сбить температуру как-то иначе и ждать. – Она еще раз тяжело вздохнула, взяла парня за руку, проверила пульс, сверяясь с ручными часами, и повторила: – Ждать.

Асенька осталась дежурить у постели больного, обтирала его, меняла холодное полотенце на голове, впрыскивала камфору, смачивала губы. Он что-то бормотал неразборчивое.

– Уходи, Борька, уходи, я прикрою!!! Пятый, сзади заходят!!! – различала среди горячего бреда девушка.

Он попытался вскочить, Асенька наваливалась на него всем своим худеньким тельцем и шептала ему что-то в ухо, он успокаивался ненадолго, замолкал, а потом снова начинал метаться. Пришла Василиса Васильевна, посмотрела показатели, последнюю температуру, помрачнела, тяжело вздохнула, назначила еще один препарат и ушла, ободряюще погладив Асю по плечу.

В какой-то момент парень вдруг замолчал и перестал метаться. Ася перепугалась чуть не на смерть, быстро наклонилась совсем близко к его лицу, положила руку ему на лоб и вдруг позабыла дышать, неожиданно встретившись с ним взглядом... Он смотрел на нее удивительными светло-зелеными глазами и молчал какое-то время, а потом прохрипел пересохшим от жара горлом, с трудом произнося слова:

– Васька... Ано-хин... говорил... – замолчал, явно мобилизуя какие-то силы в себе, и закончил фразу: – А я... не верил.

– Что? – шепотом спросила Ася, неотрывно глядя в эти измученные зеленые глаза.

– Что есть... ангелы, – объяснил он и попытался улыбнуться. – Ты ангел...

– Я не ангел, – пыталась объяснить Ася, – я медсестра. Вы в госпитале, и у вас высокая температура, – и попросила: – Вы, пожалуйста, Антон, не сдавайтесь. Ни за что не сдавайтесь. Боритесь с болезнью. – И без всякого разрешения две крупные, тяжелые слезы выкатились у нее из глаз и потекли по щекам.

– Не плачь... ангел, – все-таки ему удалось немного улыбнуться. – Я не сдамся... Ты... только... не уходи. Держи меня... крепко. Держи.

И он раскрыл просяще ладонь, и Ася тут же вложила в нее свою маленькую руку и торопливо пообещала:

– Я не уйду. Я все время буду здесь.

Но он уже не слышал, сжал ее ладонь в своей большой руке и снова погрузился в бессмятство. Только теперь он больше не метался в бреду, и через какое-то время Ася пальцами почувствовала, как начинает спадать у него температура.

– Ну, как тут у вас, Ася? – спросила, тихо подойдя сзади, Донская.

– Василиса Васильевна, по-моему, у него температура спадает, – улыбнулась ей Асенька и рассказала, как пациент приходил в себя и почему он держит ее руку.

Через час температура спала настолько, что больного Потапова смогли забрать на операцию. Вот только руку Асеньки он так и не отпустил. Она и не хотела, даже боялась, что отпустит, ей казалось, что он держится сейчас за нее, как за ангела, который вытягивает его из смерти в жизнь. Так и простояла всю операцию рядом с ним, а потом сидела возле койки и даже заснула ненадолго, положив голову ему на живот. А проснувшись, первым делом испугалась, не выдернула ли во сне свою ладонь из его руки.

Нет, не выдернула, так и держала.

Они заходили от солнца, и оно слепило его, било прямо в глаза, но их он видел отчетливо – шесть черных «мессеров». Они шли друг на друга – строй на строй, и бой завертелся с такой скоростью, что порой Антон не успевал крутить головой. Солнце шпарило через стекло кабины, гимнастерка вся промокла и прилипла к телу, лицо заливал горячий пот, легкие сипели, втягивая обжигающий воздух в себя, но он не обращал на это внимания. Он «сбросил» с хвоста преследовавшего его «мессера», сделал вираж, дал очередь... Вражеский самолет крутанулся, успел уйти от прямого попадания, но Антон его таки достал, достал – вон задымила правая плоскость – все, этот выбыл! Молодой летчик огляделся вокруг – на хвосте у Борьки «сидело» двое, он крутился, как мог, но они его плотно взяли в клещи.

– Восьмой, уходи, прикрою!! – прокричал Антон.

– Понял тебя! – отозвался Борька.

Но его плотно обложили, живым выпускать не собирались. Антон сделал крутой вираж, вклиниваясь, оттягивая на себя одного из «мессеров». Но другой успел выпустить очередь по Борькиной машине.

– Боря, уходи!!! Уходи немедленно! – прокричал Антон, позабыв про позывной.

– Попали в меня, командир, руль плохо слушается! – отрапортовал Борька.

– Тяни, Боря, тяни!!! Мы их уведем!!!

И тут он понял, что его самолет горит, и огонь уже добрался до него – было так горячо, как в пекле, о котором когда-то рассказывала бабушка. Антону казалось, тело сейчас расплавится, глаза слезились, и было больно дышать иссушенным горлом. Но там его ребята и подбитый Борька, и надо его спасти, спасти... нельзя выходить из боя, все равно уж пропадать! Надо спасти...

И как благодать снизошла, на его воспаленный, горящий лоб кто-то положил прохладную руку и куда-то стал отодвигаться бой, в котором Антон все еще горел в самолете и стрелял. И почему-то оказалось очень важно увидеть, чья рука так живительно холодит его лоб, и он открыл глаза и оказался в каком-то другом месте, не в небе, где шел смертельный бой, и первое, на что натолкнулся взглядом, это огромные обеспокоенные светло-карие глаза. Эти неправдоподобно большие распахнутые от удивления и какого-то неземного сострадания глаза смотрели на него с милого девичьего личика, обрамленного, как ореолом, пушистыми кудрявыми локонами.

«Ангел, – подумал Антон, разглядывая это лицо. – Странно, Васька говорил, что ангелы бесполое, но всегда образ у них мужской, а это девушка».

Он не помнил, что говорил ей, и не помнил, что она отвечала, но, услышав ее голос, Антон совершенно уверился – это и на самом деле ангел, и, проваливаясь в беспамятство, последней мыслью он подумал, что она обещала его держать и не отпускать в темноту...

Значит, он не уйдет, нельзя ее подводить. Нельзя обманывать ангела, он ведь тоже ей обещал...

Он с трудом разлепил глаза, казалось, что веки стали чугунными, горло было сухое, как пустыня, и немилосердно хотелось пить. Антон увидел лицо пожилой женщины, склонившейся над ним.

– Пить хочешь? – заботливо спросила она и, не ожидая никакого ответа, поднесла к его губам стакан с водой и приговаривала, пока он жадно пил: – Вот так, вот и молодец, не помер, в жизнь повернул.

Он хотел спросить у женщины, куда делся тот ангел, но не стал, ведь никто, кроме него, не видел это дивное явление, да и, наверное, нельзя никому про такое рассказывать.

Приходила, осматривала и расспрашивала его строгая доктор, молодая медсестричка делала какие-то уколы, пожилая накормила Антона бульоном, он засыпал, просыпался или его

будили, опять что-то кололи и кормили. А потом он проснулся и снова увидел эти глаза, смотревшие на него.

– Ангел, – прошептал Антон и улыбнулся.

– Я не ангел, я Ася Олышанская, медсестра, – строго ответила девушка и поправила на нем одеяло. – Вам пора принимать лекарства.

– Ася, – произнес он, смакуя звук. – Олышанская, – улыбался он ей. – Вы меня спасли.

– Не я, а доктор Василиса Васильевна, она вас оперировала, а я просто держала вас за руку, – возразила девушка, и у нее покраснели щеки от смущения.

Он ничего не сказал, рассматривал ее внимательно. Она оказалась совсем миниатюрной, с маленькими ладошками. У нее были большие светло-карие глаза, не такие огромные, как показалось ему в бреду, но большие и невероятно выразительные на милом женственном личике, и на самом деле обрамленном пушистыми кучеряшечками и маленькими локонами, непослушно выбивавшимися из плотно заплетенной косы, заправленной под белую сестринскую косынку.

Все! Хватило нескольких секунд, чтобы Антон Потапов полюбил и понял, что это его судьба, его женщина на всю оставшуюся жизнь.

Асенька Олышанская заворуженно и молча рассматривала мужчину, видела, как меняется выражение его светло-зеленых глаз, и понимала все, что он думает сейчас, словно они разговаривали без слов, и знала, что это ее единственная любовь, и что никакой смерти она его не отдаст.

Они поженились, как только его выписали из госпиталя, и прямо из ЗАГСа Антон привел молодую жену в свою пустую комнату с матрацем на полу, кривобоким стулом и разбитым окном. И они хохотали как сумасшедшие над неприглядностью этого жилья, а потом отправились на рынок к столяру за кроватью, которую им обещали принести к вечеру. А вернувшись, обнаружили в своей комнате соседей – кто-то вставлял стекло в раму, кто-то мыл полы, кто-то врезал задвижку в дверь. И выяснилось, что женщины на кухне, сдвинув столы, накрывают немудреное угощение, чем уж могли от голодной жизни, прознав откуда-то про их свадьбу. Антон выставил на стол весь свой офицерский паек, чем превратил скудное угощение в настоящий пир по тем временам, кто-то сбегал за водкой, кто-то уже и баян принес, и начался настоящий праздник. Так что свадьбу они таки сыграли, заодно сдружившись со всеми соседями.

Асенька ужасно смущалась и боялась первой своей взрослой ночи с мужем, но их любовь преодолела все, сделав эти моменты сказкой, островком счастья посреди голодной, ужасающей своей убогостью и бедностью жизни. Правда, и с материальным положением вскоре стало полегче: Антон получил большие деньги, которые копились все те годы, что он воевал, – боевые за сбитые самолеты, и это позволило им обустроить достойный быт, приодеться как-то и отложить деньги на учебу, к тому же Антону вернули вещи их семьи.

Но первое, что они купили в дом, был тот самый легендарный зеленый абажур. На нем уже, наверное, сто раз меняли обшивку, всегда подбирая такую же точь-в-точь ткань и бахрому, но этот символ их семьи всегда с ними.

Наша жизнь соткана из перекрестков судьбы, на которых мы, или кто-то над нами, решаем, куда идти дальше, и эти выборы и обстоятельства накрепко цепляются звеньями друг за друга, одно вытекая из другого, приводя к тому, что мы имеем и чем живем в настоящем. Из тысячи тысяч, миллионов обстоятельств, поступков и дел, наших и других людей, перемешиваясь и соединяясь, ткется полотно наших жизней.

Эти двое не должны были встретиться никогда.

Их жизни протекали в разных галактиках. Она – дочь хозяйственника высокого ранга, проживала в Москве в большой квартире. С домработницей, между прочим. Он – мальчик из простой семьи рабочего и учительницы младших классов из Тамбова.

Где Тамбов, а где Москва номенклатурная!

Затем ее положение меняется. Теперь она дочь врагов народа, детдомовка, а для таких детей одна перспектива – какая-нибудь ремеслуха, распределение подальше от Москвы на стройки века или завод. Если родственники не заберут и не побеспокоятся, а о ней некому было беспокоиться, кроме мамы, сидевшей в ГУЛАГе.

Если бы не война, он бы отучился в летном училище, куда и собирался поступать после школы, и служил бы совсем не в тех местах, где происходили стройки коммунизма советских времен, на которой наверняка оказалась бы Асенька.

Если бы Ася не заболела и если бы не тетя Зина, то она никогда не попала бы в город Тамбов и не оказалась бы рядом с Антоном Потаповым в тот момент, когда он умирал. И выжил бы он? Попро-о-о-ос.

И что хорошо, что плохо в цепи этих событий и обстоятельств?

Репрессии, война, смерти, ранения, перелопаченные, исковерканные жизни – плохо, трагично, горе... но ведь не встретились бы они при других обстоятельствах...

Когда начинаешь об этом задумываться всерьез и пытаешься проследить хоть небольшую часть из цепи жизненных обстоятельств, складывающихся в судьбу какого-нибудь человека, то порой становится по-настоящему страшно – насколько все взаимосвязано и насколько мы все связаны невидимыми нитями и перемешаны и участвуем в событиях жизни друг друга. Даже совершенно незнакомые нам люди в других городах и странах могут повлиять на то, что случается с нами здесь и сейчас, конкретно в нашей жизни. А вдруг что-то в этой цепочке пойдет не так, и ты не станешь тем, кем мог бы, и твоя судьба сложится совершенно иначе, чем могла, и не встретишь того единственного...

Они были по-настоящему красивой парой – большой, мощный Антон и маленькая, женственная, миниатюрная Асенька, хрупкая и похожая на девочку. Они до сих пор красивая пара. У них очень долго не было детей, и они уже смирились с этим и решили: что ж поделаешь, значит, будут жить друг для друга, и совсем неожиданно, через тринадцать лет, родился мальчик Андрей, а еще через шесть лет, когда Асе было тридцать шесть, таким же сюрпризом появился Гриша. Хотя все врачи хором запрещали Асеньке рожать.

В прошлом году у бабушки прихватило сердечко, да так серьезно, что она в больницу попала. Вся родня срочно приехала спасать, переполошившись не на шутку.

– Ты что, бабуль, – оставшись с бабушкой вдвоем в палате, попеняла ей Лиза, – ты зачем нас всех так пугаешь. Не вздумай тут умирать!

– Сейчас не умру, – отмахнулась бабушка. – Любовь пока держит, так что поживу.

– Это в каком смысле держит? – удивленно спросила Лиза.

– Как в каком, в самом прямом, – улыбнулась бабуля. – Мы же с Антошей оба понимаем, что ни я без него, ни он без меня жить не сможем, да и не захотим. Зачем. А он у меня молодцом, бодрый, да и я не сдаюсь. Это так, сама виновата, перетрудилась и за него испугалась сильно, когда он чуть с лестницы не упал.

Лизу тогда так поразили эти слова, что она еще долго о них думала, осмысливала и даже возмущаться не стала бабушкиным «не сможем, да и не захотим». В десятом году вся семья отмечала шестьдесят пять лет их совместной жизни, устроив им большой праздник, и они светились оба от радости и так смотрели друг другу в глаза, так смотрели...

Они не смогут и не захотят...

Лиза улыбалась, погрузившись в свои воспоминания про дедушку с бабушкой и размышления об их жизни, удивительной любви и преданности. Наверное, это можно было бы назвать сказкой, если бы только их жизнь не являлась невероятно трудной и тяжелой, с постоянным преодолением каких-то немыслимых обстоятельств. Ася, кстати, все-таки смогла пробиться в мединститут и стала педиатром, а дед тридцать лет отслужил в гражданской авиации. И как ужасно трудно и голодно они жили в годы учебы, и потом куда только их жизнь не забрасывала:

и на Север, и в Казахстан, и в Монголию. И каждый раз на новом месте бабушка умудрялась создать уютный теплый дом, даже в барачном закутке, в котором они как-то прожили целый год. Это только уйдя с работы и выйдя на пенсию, они вернулись в Тамбов и купили дом в пригороде, где окончательно осели.

Чего только они не прошли вдвоем и не пережили!

«Да... – думала Лиза, – любовь держит...» Она снова посмотрела в окно, отметив, что так глубоко задумалась, завоспоминалась, что и не заметила, как стало совсем темно. «А все-таки здорово, что мы к ним едем! Да, едем!» И тут она кое-что сообразила, окончательно возвращаясь в действительность, и задала естественный вопрос:

– Эй, господа, вы что там примолкли и шушукались? Кто-нибудь объяснит мне, почему это понадобилось выезжать именно сегодня, в четверг, и отпрашиваться на пятницу, а? И почему дети не с нами?

– Ну, Лизка-а-а, – наигранно обиженно застонал Кирилл. – Не могла ты там еще помечтать? Так хорошо сидела, тихонько, думала себе о чем-то, в окошко смотрела.

– Нечего причитать, гони денежку! – оборвала его стоны жена родная Маня и протянула руку.

Кирилл, не выходя из роли обиженного страдальца, тяжело вздохнув, достал портмоне из нагрудного кармана и протянул его жене.

– Вечно я из-за тебя попадаю, Лизка, – поворчал он.

– А не фиг на меня забиваться, сколько раз тебе говорить! – рассмеялась Лизавета. – О чем хоть спорили в этот раз?

– Когда ты спросишь, почему мы поехали сегодня, а не завтра. – И Маня, демонстративно вытащив тысячную купюру из портмоне, победно потрясла ею перед лицом мужа, убрала в сумочку и развернулась к Лизе на переднем сиденье. – Я сказала, через два-три часа дороги, Кирилл настаивал, что только когда на место приедем. Такое ощущение, что это не он твой брат, а я родная сестрица. Каждый раз, когда о тебе спорим, он проигрывает, словно я, а не он тебя с младенчества пестует и знает.

– А может, ему просто нравится таким образом тебе денежки проигрывать, ну и давать возможность погордиться собой, такой вот заботливый муж, – рассмеялась Лиза.

– Поняла! – назидательно поддакнул Кирилл. – Ты Лизавету слушай, она хоть и самая младшая в семье, зато умная-я-я – жуть!

– А кто спорит? – игриво подхватила Маня.

– Э-э! – призвала их к порядку Лиза. – Вы попозже друг с другом пофлиртуете, ладно? Повторяю вопросы: почему потребовалось бросить все, отпрашиваться на работе на пятницу и почему дети не поехали с нами?

– Ну-у-у... – протянул загадочно и не слишком оптимистично Кирилл. – Мы заедем в одно место, переночуем там, а утром поедем к нашим.

– Какое место, Кирюша? – как у малого неразумного дитяти спросила Лиза.

– Да так, в Тамбовской области, нам почти по пути, – вился ужом вокруг конкретики братец.

Есть у него такая манера – ходить вокруг да около, напускать «туману» и увиливать от прямого ответа на вопрос, особенно, когда этот вопрос не из приятных. Порой Лизе казалось, что она старше его лет на пятьдесят, когда он вот так начинал ни с того ни с сего чудить, случалось с ним такое, иногда такие глупости совершал – ой-ей-ей! Или, как сейчас, заклинивало, и он заигрывался в загадочность. И ведь серьезный мужчина, отец двоих детей, начальник отдела крупного предприятия, а туда же, в детский сад тянет!

– Маня! – строго потребовала ответа у невестки Лиза.

– Пусть сам объясняет, – почему-то ушла от вопроса Мария.

– Кирилл?

– Ну что ты, ей-богу! – повысив голос, предпринял попытку наехать братец и стрельнул в нее настороженным взглядом в зеркало заднего обзора. – Просто заедем к другу, подарки завезем. У него там красота такая, в баньке попаримся.

Маня выразительно хмыкнула на последнее замечание мужа, выразив явное недоверие его словам, даже развернулась на сиденье и демонстративно уставилась на дорогу. А Лизу такая демонстрация насторожила.

Маня у них женщина уравновешенная, по-житейски мудрая и всегда, в любой ситуации сохраняет спокойствие и трезвый ум. Кириллу очень повезло с женой, она идеально уравновешивала его сложный беспокойный характер.

И если она вот так хмыкнула...

– Так! – разозлилась Лиза. – Что происходит? Куда мы едем?

– Да к Протасову, к Протасову едем! – недовольно признался Кирилл.

– К ко-му?.. – обалдев от такого заявления, по слогам переспросила Лиза.

– К Глебу Протасову, – уже скинув пары, ворчливо подтвердил Кирилл. – И чего ты так прямо удивилась? – Он снова посмотрел внимательно на нее в зеркало и пояснил: – Мы же тебе несколько раз рассказывали, что он все бросил в Москве, купил участок с домом в деревне. Можно сказать, в дауншифтинг подался, только у него не совсем чтобы «даун» и не совсем чтобы «шифтинг» получился. Мы тут с мужиками ему для сельской жизни кое-что купили серьезное, у него ведь день рождения грядет, вот решили подарить, да и он кое-что сам нам заказывал. Не ближний свет из Москвы ехать, он специально в эдакую тьмутаракань забрался, чтоб не доставал никто. А у нас как раз оказия такая удачная образовалась.

– Поэтому мы и детей с собой не взяли, они завтра с моими родителями поедут на поезде, – вставила Маня.

– Все это прекрасно, но зачем вы меня-то с собой потащили? Я бы тоже завтра на поезде или на своей машине, – возроптала Лиза. – Я-то вам на кой в этой встрече друзей?

– Лизонька, – снова развернулась к ней корпусом на сиденье невестка. – Это я настояла. Тебе давно надо хорошо отдохнуть, ты со своей занятостью уже на собственную тень похожа, а не на девушку. А там у Глеба и на самом деле места потрясающей красоты, просторы, тишина такая, аж звенит. Да и не в этом дело, я подумала: ну, хоть один денек еще у тебя будет для отдыха, ты выспишься в тишине и на прекрасном воздухе, а то у дедушки с бабушкой в доме целый десант высадился, и покоя нам не видать.

– Звучит прекрасно, – без всякого энтузиазма заметила Лиза. – Но, уверена, что лично меня Глеб Максимович не приглашал и уж точно не ожидает увидеть такой «сюрпризец». И вряд ли ему обрадуется.

– Лиз, – снова нервно повысил голос Кирилл, – вот мне совершенно непонятно, что там между вами могло произойти и почему вы стали вдруг друг друга недолюбливать и сторониться. Ты утверждаешь, что ничего не случилось, он тоже говорил сто раз, что все в порядке, когда я его спрашивал. И тем не менее, выяснив, что где-то можете пересечься, кто-нибудь из вас да линял с мероприятия, чтобы не столкнуться. Ты думаешь, этого никто не заметил? Мы, например, с Маней заметили и так и не поняли, с чего это вдруг, вы же прям дружили, когда ты маленькая была. И я никогда не слышал, чтобы он высказывал к тебе неприязнь, и никогда не слышал, чтобы Глеб как-то негативно отзывался в твой адрес, а ровно наоборот, всегда относился с уважением и симпатией. А сейчас это вообще не имеет никакого значения, после того, что у него случилось. – Он помолчал немного. – Для него вообще многое перестало иметь значение, и уж тем более какие-то старые недопонимания и раздоры. У него совсем другая жизнь теперь, но думаю, Глебу приятно будет с тобой встретиться, не так часто к нему кто-то приезжает.

– А он приглашает приезжать, кого-то в гости зовет? – удивилась Лиза.

– Нет, – после небольшой паузы честно ответил Кирилл и посуровел лицом.

И в машине повисла тягучая тишина. Надолго.

Каждый из троих погрузился в тяжелые мысли, размышления и воспоминания. Маня уставилась в боковое окно, Кирилл, явно расстроенный, вел машину, а Лиза снова откинула голову на подголовник.

Да уж, Глеб Протасов.

Кирилл был двоюродным братом Елизаветы, старше ее на десять лет, сыном родного брата папы – дяди Андрея. Так сложилось, что отношения между родственниками в их семье были очень близкими, и Кирилла Лиза всю жизнь воспринимала как родного любимого брата, а он относился к ней как к самой родной маленькой сестренке, старался опекать, оберегать, особенно после той беды, что случилась. Но это давняя история.

В общем, студенческие друзья Кирилла и его друзья детства стали одной большой дружной компанией, объединенной одинаковыми интересами и пристрастиями, – байдарки, скалолазание, походы с палатками по всей стране, туда же баня и песни под гитару, развеселые капустники и разыгрыши.

Путем естественной «селекции» остались и закрепились в единый дружеский коллектив пятеро самых близких единомышленников и друзей и двое «свободных радикалов» – то при-мыкающих к их компании, то отпадающих на время, а по мере течения жизни компания укомплектовалась и дополнилась женами. С годами, когда все мужики заматерели, а некоторые из них стали и побогаче, то к увлечениям добавились горные лыжи, яхтенный спорт, путешествия.

Одним из самых близких друзей Кирилла был Глеб Протасов, учившийся с ним на одном курсе в институте. Лиза познакомилась с Глебом, когда ей было лет девять, на первой даче дяди Андрея, где они встречали Новый год и куда неожиданно нагрянул Кирилл со своими друзьями. Дачка была небольшая, но места хватило всем, и праздник удался – развеселый, с петардами и салютом, с хороводом вокруг елки во дворе, с разными играми и песнями. Лиза оказалась единственным ребенком в этом коллективе, и поэтому с ней случилась большая человеческая справедливость (куча подарков – просто гора! – и преувеличенное внимание взрослых) и большая несправедливость (ее отправили спать в разгар веселья).

Вот тогда она и познакомилась по-настоящему с Глебом Протасовым. Лиза капризничала и отказывалась идти спать, папа с тетей Валей, женой дяди Андрея, уговаривали ее и так и эдак, и тут неожиданно вмешался один из друзей Кирилла.

– А если я тебе сыграю на гитаре и спою песенку, ты спать пойдешь? – весело предложил он.

– Мне? – уточнила Лиза.

– Да, только тебе, – пообещал парень.

– Ну, хорошо, – подумав, согласилась девочка, но выставила некие условия. – Я лягу в кровать, а ты придешь и споешь мне свою песенку.

– Договорились, – кивнул он.

Глеб Протасов слово свое сдержал, спел ей красивую песенку про «Ты у меня одна» и про «... Только свети, свети...». Вот именно под эти слова она окончательно и заснула.

И они с ним стали как бы друзьями. Ну, условно, как игра, разумеется. Виделись они, понятное дело, очень редко, хорошо если раз-два в год, да и где им было пересекаться, парню-студенту и девочке на десять лет его младше – и негде, и незачем. И все же иногда встречались – на даче у дяди Андрея, на днях рождения брата.

Надо объяснить, что Лиза пошла в бабушку и всегда была маленькой, эдакой Дюймовочкой, и очень симпатичной, с кучеряшечками вокруг лица, выбивающимися из любой туго заплетенной косы или хвоста, точь-в-точь, как у бабушки, хотя волосы у Лизы были темнее. И глаза у нее не карие, а как у деда и отца – светло-зеленые. И, кстати, когда она стала старше, то подросла и хо-ро-шая такая грудь, не в пример бабушкиной скромненькой.

В детстве Лиза была намного мельче всех своих сверстников, всегда маленькая симпатичная фарфоровая статуэточка. И все мужчины семьи и друзья Кирилла относились к ней как к чему-то хрупкому, требующему особой осторожности, внимания и заботы. А она, между прочим, с восьми лет занималась бальными и спортивными танцами и впахивала у станка каждый день до кровавых мозолей, и отличалась повышенной выносливостью и упертостью, и уже завоевала несколько первых мест и призов в соревнованиях разного уровня, правда, с несколькими партнерами, но не это главное. Важно, что в этом прелестном хрупком тельце обитали еще те характер и воля.

И, как оказалось, только Глеб Протасов и рассмотрел в ней эту силу воли еще тогда, когда пел ей песенку на сон грядущий. И от этого понимания ее настоящести, скрытой от всех сути что ли, они только еще больше сдружились, разумеется в том истинном понимании «сдружились», какое единственно возможно между парнем и девочкой, сестричкой друга, с разницей в десять лет, которые видятся и встречаются раз-два в год, а то и реже. Скорее, это была такая нарочитая игра в друзей.

После окончания института Глеб уезжал на два года из страны, а когда вернулся, его направили работать куда-то в Подмосковье, ну а после и вовсе заслали во Владивосток, и они не виделись лет семь, наверное, если не больше.

Он, понятное дело, за эти годы часто приезжал в Москву, правда, они с Лизой ни разу не встретились и не пересеклись, просто так сложились обстоятельства. Да никто особо и не рвался встретиться. Кирилл, бывало, рассказывал о делах и жизни Глеба, но Лизу это как-то особо не трогало и не очень-то интересовало. Так, на уровне рассказа о жизни общих знакомых, к которым хорошо и с теплотой относишься, – ну, работал он в Латинской Америке, здорово! Ну, на известном заводе на большой должности – замечательно, а во Владивостоке так совсем каким-то начальником стал на огромном заводе – вообще молодец, в такие-то годы и уже начальник! Женился – еще раз молодец, поздравляем! Не забудь привет передать. Дочь родилась – ура! Поздравь и от меня!

Они встретились на дне рождения Кирилла, на его тридцатилетнем юбилее, на который тот собрал всех родных и близких, сняв для проведения этого мероприятия в аренду целый зал с небольшим оркестром в довольно дорогом и известном ресторане.

Лиза Глеба Протасова не сразу узнала. Наверное, потому, что помнила его еще таким, как увидела детским взглядом, ощущениями и восприятием мира, в котором она была маленькой, а он большим и взрослым, и в котором ее мало интересовала его внешность, потому как он был друг, а не предмет ее романтических девичьих мечтаний.

Глеб с женой немного опоздали по вполне уважительной и веской причине – прилетели из Владивостока и появились в ресторане сразу из аэропорта. И пока они шли по залу за метрдотелем, здоровались с Кириллом, поспешившим выйти из-за стола и встретить дорогих гостей, пока обнимались и поздравляли, Лиза успела хорошо рассмотреть Глеба Протасова.

И поразилась.

Почему она никогда не обращала внимания, да просто не понимала, насколько он интересный мужчина? Не красивый, а именно интересный, привлекательный.

Спортивного телосложения, про такой тип в народе говорят «поджарый». Элегантный, с такими несуетливыми, значимыми движениями и жестами. Что-то латиноамериканское было в его облике или аристократическое – немного аскетичное, чуть вытянутое лицо с сильным волевым подбородком, чувственными, ироничными губами, носом с легкой горбинкой, высоким лбом и выразительными темно-серыми глазами. Сила и скрытая, контролируемая страсть чувствовались в нем. А то, что он уже несколько лет руководит большим количеством людей и несет огромный груз ответственности, наложило отпечаток на весь его облик: в Протасове чувствовался человек, обладающий властью, и это в тридцать-то лет.

Лизе пришлось с силой выдохнуть, обнаружив, что она, незаметно для себя, затаила дыхание, пристально рассматривая Глеба, узнавая и не узнавая, настолько мощное, ошеломляющее впечатление произвел он на нее. Она перевела взгляд на его жену и снова непроизвольно, глубоко вздохнула, забыв дышать на время, – так потрясла ее эта шикарная женщина рядом с ним.

Просто роскошная! Под стать мужу – высокая, стройная, с великолепной фигурой и блондинистой копной волос, с надменным выражением на красивом, несколько холодноватом лице, отшлифованная, как бриллиант.

Это была по-настоящему красивая, потрясающая пара, два породистых человека, идеально смотрящихся рядом.

Лиза почувствовала легкую досаду и разочарование, а осознав это, подивилась себе – да с чего бы? Ну, интересный мужчина, но не настолько, чтобы влюбиться с первого взгляда. А прислушавшись к себе, поняла, что по-прежнему относится к нему скорее как к другу, чем к объекту женского интереса, – видимо, на подкорке где-то записалось и закрепилось еще в детстве, что Протасов просто хороший друг, почти дальний родственник. И Лиза решила, что это его жена произвела на нее такое неслабое впечатление, заставив чисто по-женски позавидовать красоте и стати. Будешь тут завидовать, когда росточком и габаритами не вышла. Даже размер стопы тридцать третий, хорошо хоть ноги длинные и грудь удалась природе на славу.

Впрочем, справедливости ради надо отметить, что Лизе в себе все нравилось и вполне устраивало, и никакими комплексами неполноценности она не страдала ни разу, благо поклонников и ухажеров у нее не переводилось, и успехом у мужчин она пользовалась устойчивым и повышенным.

А тут вот смотри ж ты, зацепило что-то.

– Лизавета, неужели это ты? – весело окликнул ее Протасов, когда после долгих тостов и закусывания гости, наконец, стали выбираться из-за стола танцевать.

– Я что, так сильно изменилась? – рассмеялась она в ответ.

– В некоторых местах да, – расхохотался Глеб, прямо намекая на ее «выдающуюся» грудь, – я последний раз тебя видел лет семь или восемь назад. Тебе двенадцать или тринадцать едва исполнилось, ты и тогда была совершенно очаровательной, но сейчас превратилась просто в красавицу.

– Ну, ты тоже возмужал, – веселилась она в ответ, – говорят, начальником большим стал, женился, дочь у тебя родилась.

– Все так, все так. – кивнул Протасов и, поискав кого-то взглядом в толпе, махнул призывно рукой, дождался, когда к ним подошла его жена, и представил: – Знакомся, это моя жена Ольга.

– По-настоящему очень приятно, – искренне улыбнулась ей Лиза и протянула руку. – Кирилл говорил, у вас дочь родилась. Поздравляю от всей души.

– Спасибо, – пожала ей руку Ольга, но держала она себя гораздо более холодно и отстраненно, чем открыто излучающая дружелюбие Лиза. Повернувшись к мужу, светским тоном предложила: – Идем, там сейчас начнутся какие-то конкурсы.

Лиза почувствовала укол неприязни к этой женщине, но резко одернула себя мысленно: а с чего эта Ольга должна рассыпаться в искренних симпатиях к ней, она ее первый раз видит. И пошла вместе с четой Протасовых в образованный гостями полукруг возле сцены.

Там проходили всяческие шуточные соревнования, в которых с большим энтузиазмом и весельем принимали участие гости и сам хозяин торжества.

– А сейчас объявляется особый приз! – объявил ведущий. – Кто готов станцевать настоящее танго? Ну что, господа... – он обвел изучающим взглядом публику, музыкант за ударной установкой на сцене дал мелкую барабанную дробь. – Есть желающие и умеющие?

– Глеб, ты же сам говорил, что тебя в Аргентине научили, – подошел к ним раздухарившийся Кирилл, громко призывая друга принять участие в конкурсе.

– Танго, Кирюша, танцуют вдвоем, а Ольгу я пока не научил, – развел руками Глеб.

– Так у нас Лизавета профессионал, я разве тебе не говорил? – энергично и вдохновенно настаивал Кирилл. – Да ты должен помнить, она ж еще маленькой танцами занималась.

Барабанная дробь продолжала нагнетать, а ведущий призывать...

– А ты знаешь, что есть нескольких разновидностей танго, и вариантов исполнения его множество? – спросила у Глеба Лиза, сама не понимая, отговаривает она его или, наоборот, подбивает согласиться и рискнуть.

– Знаю, – кивнул Протасов.

– И какое из них ты танцуешь? – лукаво улыбнулась она.

– Любое, какое сыграют, – усмехнулся он и протянул ей руку приглашающим жестом. – Ну что, пойдём попробуем, Лизавета?

– Пойдем, – вложила свою маленькую ладошку в его руку Лиза.

– Ага! – обрадовался ведущий. – Кажется, у нас есть одна пара! Найдутся ли еще желающие посоревноваться? – Он вновь обвел взглядом собравшихся, но желающих не обнаружилось. – Ну что ж, в таком случае мы будем оценивать профессионализм исполнения и решать, отдавать ли наш загадочный приз этой паре. Вы готовы? – обратился он к Лизе с Глебом.

– Вполне, – ответил за двоих Протасов.

И, удивив Лизу, по всем канонам танцевальных правил, раскрутив, отодвинул партнершу на вытянутую руку для поклона зрителям. Лиза присела, склонив голову в классическом приветствии, Протасов сдержанно поклонился, легко перевел партнершу на другую сторону, и они, повторив приветствие, под довольно бурные аплодисменты и громкое подбадривание заняли исходную позицию.

Как только Лиза вложила свою руку ему в ладонь, как только его рука легла ей на спину, ее словно шибануло током! Она заглянула ему прямо в глаза и в один миг ощутила нечто непередаваемое – страсть, огонь, этого мужчину, всего, каждый изгиб его тела, словно чувствовала каждую его клетку всей кожей, их абсолютно идеальное совпадение телами именно для этого танца, бесконечное доверие этому мужчине, желание его... и свою полную свободу!

И грянуло танго!

И весь мир пропал для них – не было ни этого зала ресторана, ни людей, ни времени, никого вокруг – только музыка, только огненное танго и они вдвоем, как единое целое!

В Аргентине говорят, что в танго главное – не умение правильно исполнять все па, главное – испытывать желание, страсть к партнеру, только тогда танго становится настоящим.

То, что сейчас происходило между этими двумя, было не просто желанием и не просто страстью – это было узнавание через века и жизни, абсолютное доверие и абсолютное извечное противостояние мужчины и женщины – песня о великой любви и великой скорби!

Пауза! И... Трам! Та-та-дам-м-та-тай-да! – утверждал мощно рояль!

Лиза чувствовала каждое его движение еще до того, как он его начинал делать, ощущала его сильные мышцы, перекатывающиеся под одеждой. Она шла за ним безоговорочно и была одновременно покорной партнершей и непокорным огнем в его сильных, умелых руках, укрощающих ее и поющих ей свою песню любви! Она смотрела ему в глаза и плавилась от силы чувств, которые он изливал на нее.

Трам! Та-та-дам-м-та-та-й-да! – стонали, рыдали скрипки!

Она доверяла ему, но пела свою песню свободы, свободы женщины, которая выбирает мужчину сама, а он вел, умирал и обещал огненную любовь, за которую любой платы не жалко! Даже жизни!

Великолепные танцовщики, так совпавшие пластикой и чувством, дыханием музыки, исполнявшие этот танец с наивысшим мастерством, с полной отдачей, они растворялись друг в друге, дышали страстью, признавались телами и взглядами друг другу в любви...

Трам! Та-та-дам-м-та-та-й-да! – сексуально хрипел аккордеон!

И-и-и... Последний мощный аккорд!

Последний выпад! Он перекинул ее через свою руку и наклонился над ней, а Лиза прогнулась, откинувшись на его ногу и руку и одновременно изящным движением выкинув ногу вперед.

Они смотрели друг другу в глаза, задержавшись дольше положенного в этом состоянии, немного запыхавшись, и тонули, тонули, плавись в обоюдном узнавании, в страсти и любви...

В зале стояла абсолютная, звенящая тишина... и вдруг грянули аплодисменты со всех сторон и громкие крики «браво!», «офигеть!», восторженный свист, требование «бис!»

Лиза с Глебом словно опомнились – он легко поднял партнершу, широким красивым движением раскрутил для поклона зрителям, потом перевел на другую сторону – второй поклон. Крики и аплодисменты стали еще интенсивней. Глеб и Лиза посмотрели друг другу в глаза, улыбаясь, светясь радостью открытия и познания великой тайны и страсти.

Глеб рассмеялся на один из громких выкриков, требующих повторения, притянул Лизу к себе, приобнял одной рукой за талию, заглянул в ее счастливые веселые глаза, и они, не сговариваясь посмотрели на зрителей. Лиза рассмеялась, вторя Глебу, поклонилась еще раз и, поднимая голову после поклона, наткнулась, как ударились со всего маха, на единственное лицо в толпе гостей, которое не улыбалось, не смеялось и не разделяло общего восторга.

На нее в упор глядела Ольга. Холодным, тяжелым, презрительным взглядом. Лизу словно ледяной водой облили. Протасов тут же уловил в Лизе эту эмоциональную перемену, проследил за ее взглядом и увидел жену среди скандирующей публики, уговаривающей их повторить танец.

И вся радость, новая открытая любовь и вдохновенность, которыми только что было освещено его лицо, сошли с него вместе с улыбкой, как акварель с листка бумаги под проливным дождем.

Они подошли к зрителям, вежливо, но твердо отказались от настойчивых предложений станцевать что-нибудь еще. Но тут их вызвал на сцену ведущий для вручения приза.

Шоу должно продолжаться!

И под бурные аплодисменты, смех, улюлюканье и комментарии им вручили две небольшие картины, на которых в стиле импрессионистов были изображены пары, танцующие танго. Глеб с Лизой, театрально разыгрывая роли, продемонстрировали гостям, что рассматривают внимательно картины, спорят, кому какая больше нравится, и забирают каждый свою.

Им что-то пытался сказать конферансье, и публика явно ждала от них еще какого-нибудь представления, но Лиза больше не могла этого выносить и просто сбежала. Сначала с танцпола, пробравшись сквозь ряды зрителей, схватила свою сумочку со стула, на котором сидела за столом, быстренько поцеловала бабушку и деда на прощание и, ничего никому не объясняя, сбежала из ресторана.

И всю ночь стояла без сна у окна, смотрела куда-то вдаль, как в пропасть бездонную, и прокручивала, прокручивала в голове их танец, и чувствовала, что у нее горит кожа, на которой словно отпечатались следы от его рук, и разгорается что-то внутри от этих воспоминаний, и разрывается на мелкие куски сердце.

Такого она не испытывала никогда! Такого накала чувств, желаний, страсти, узнавания, радости, эмоций, энергий Елизавете Потаповой не приходилось переживать и пропускать через себя никогда. С восьми лет Лиза занималась балльными танцами, а потом и спортивными, профессионально занималась, принимала участие в разного уровня соревнованиях и частенько

побеждала на них, поменяла в паре нескольких партнеров, танцевала и с профессионалами и с любителями. Но она и представить себе не могла, что танец бывает ТАКИМ! Ей даже в самых бурных фантазиях не приходило в голову, что можно так чувствовать партнера, гореть одним костром, дышать вместе, быть единым целым, быть одной расплавленной страстью, раствориться друг в друге и почувствовать абсолютную гармонию соединения, проживать целую жизнь в танце. И смерть.

Не зря в Аргентине танго часто называют «танцем смерти». Вообще-то потому, что его придумали портовые рабочие и моряки, и в давние времена танцевали только мужчины перед женщиной, которая выбирала одного из них. А вот отвергнутый поклонник частенько доказывал свое превосходство ножом, убивая соперника.

Но тогда, у ночного темного окна Лиза поняла совсем иную ипостась этого названия – если по-настоящему зажигаться страстью в танце, после его окончания нет возможности выхода и продолжения этой страсти, он становится «танцем смерти», убивающим что-то внутри человека.

Глеб Протасов недоступен для нее, и никогда никакого продолжения и воплощения в жизнь того необыкновенного мощного огня и тех чувств, страстей, желаний и эмоций, что они пережили, не будет. Иначе они станут разрушительными, как лесной неконтролируемый пожар.

А вот это табу! Запрет! Господин Протасов благополучно и счастливо женат на блондинистой красотке, имеет ребенка и вполне себе доволен и упакован в жизни.

А посему видеться с Глебом она больше никогда не будет.

Все. Точка.

– Ничего, – произнесла Лиза вслух и уткнулась лбом в прохладное стекло окна, за которым начинал разгораться рассвет, раскрашивая серое небо розово-алыми сполохами. Ноги гудели от многочасового стояния, руки дрожали от навалившейся слабости. – Ничего, – повторила Лиза, – рассосется, забудется и потускнеет. Без дров костер гаснет. Больше не видеться, и все будет в порядке.

Оно, конечно, не забылось и не рассосалось, но боль нереализованного чувства поутихла, зарубцевалась, лишь изредка напоминая о себе в те моменты, когда кто-то рядом упоминал Протасова. Жизнь себе катилась, что-то заретушевая в памяти. При каждом намечающемся празднике или посиделках на даче у Кирилла Лиза не забывала подробно выяснять, может ли там появиться Глеб, и под разными предлогами отказывалась приезжать, если узнавала, что его ожидают в гости.

Она рассказала про это, про первые в ее жизни такие сильные чувства и эмоции, потрясшие ее до глубины души, только бабушке Асе.

– Не знаю, Лизонька, – задумалась бабуля. – Страсть штука непростая, чаще всего разрушительная. Но уж коль так красиво: обжигающий танец, мы же с бабушкой видели, это действительно было потрясающе красивое зрелище, необыкновенное. И, если так совпали вы с этим Глебом, так почувствовали друг друга, как ты говоришь, может, и стоит за это побороться? А с другой стороны, ты права, разве же можно семью чью-то разрушать и вмешиваться. Ты-то сможешь отказаться от него, справишься?

– Справляюсь пока, – пожала плечами Лиза.

– Ты всегда была сильной девочкой, – погладила ее по голове бабушка, светло улыбаясь, – «маленький гвоздочек», как тебя дедушка называет.

– Да все пройдет, ба, – убеждала ее и себя Лиза. – Мы же не соседи по лестничной площадке, я его видеть не вижу и встречаться с ним не собираюсь. А потом влюблюсь в кого-нибудь, и пройдет.

– Там посмотрим, – не поддержала такого упаднического оптимизма бабуля.

Время великий лекарь. Кирилл несколько раз приставал с вопросами, почему они с Глебом избегают общества друг друга, Лиза делала удивленные глаза и уверяла, что ничего подобного, видимо, просто так случайно получается. Тем и удовлетворялся братец, тема не муссировалась.

Но однажды они все-таки встретились, года через два после того танго, даже два с половиной, пожалуй.

Школа бальных танцев, в которой училась, танцевала и уже немного преподавала Лиза, устраивала большой вечер в честь пары известных танцоров, своих выпускников, которые стали чемпионами мира. Сначала проводилось чествование, за ним следовал отчетный концерт учеников, а потом самое интересное – танцы для всех желающих: всю ночь играет великолепный оркестр исключительно классический танцевальный репертуар, а в зале расставлены столики для приглашенных гостей, работает бар.

Лиза пригласила родных – отца с Надей, дядю Андрея с тетей Валею, Кирилла с Маней. Бабушку с дедом беспокоить не стала – далековато им ехать, да и повод не столь серьезный. Она принимала участие в показательных выступлениях как одна из чемпионки, с одним своим старым партнером, с которым не танцевала уже несколько лет, и еще проводила два показательных танца со своими учениками.

День был пятничный, и по всем правилам мегаполиса следовало выезжать куда-то за город. Обычно так они и делали – ехали либо к дяде Андрею на дачу, либо к Кириллу на дачу, которой они с Маней совсем недавно обзавелись. Туда же, кстати, практически каждые выходные приезжал и кто-то из друзей брата в гости – в баню да на речку, да на шашлычок застольный на открытой верандочке.

Поэтому и посыпались звонки Кириллу с выяснением, где он и поедут ли они семьей на дачу. В результате этих переговоров двое друзей Кирюхи, Вадим и Алексей, вместо дачи прикатили на выступление Лизы. А когда началась развлекательная часть, совсем обосновались и уезжать не торопились, по очереди приглашая Лизу танцевать.

Музыка гремела, гости находились в приподнятом настроении, уже слегка захмелев, по крайней мере, танцевали все – умеют, не умеют, неважно. Кирилл, перекрикивая музыку, с кем-то весело разговаривал по телефону, было плохо слышно, и он вышел из зала... Вернулся не сразу. И не один.

Лиза с Вадимом как раз шли с танцпола, где пытались танцевать румбу, насмеялись они оба до слез над неуклюжестью Вадима, компенсируемой его энтузиазмом, но и натамцевались, как могли. Она плюхнулась на стул и принялась обмахиваться веером, который был частью ее костюма, хохотала над рассказом Мани, как их с Вадимом «танец» выглядел со стороны и как Лиза постоянно отпрыгивала, чтобы он не наступил ей на ногу, и вдруг увидела пробирающихся между столиками Кирилла и... Глеба Протасова.

Кровь мгновенно прилила к щекам и тут же откатилась под колени до ощущения холода во всем теле. Она запнулась и перестала смеяться. Маня проследила за направлением ее взгляда, наклонилась к Лизе и прошептала на ухо:

– Не бойся, он не станет тебя душить на глазах у стольких людей и кусаться не будет по той же причине, – усмехнулась она, села ровно и уже не шепотом спросила: – Ты не считаешь, что пора рассказать, что у вас с ним произошло такого, что вы избегаете друг друга?

– Нет, – отрезала Лиза. И тут же поправилась, смягчив тон: – В том смысле, что ничего не случилось. Честное слово. И мы не избегаем друг друга, с чего ты взяла.

– Да? – саркастически протянула Маня.

Кирилл с Глебом подошли к столу, Протасов со всеми поздоровался, с парнями обнялись, похлопав друг друга по спине, Кирилл тем временем успел поймать официанта, который принес им еще один стул, расселись.

И Глеб оказался рядом с Лизой, и она абсолютно точно знала, что подстроила это Маняша.

– Привет, Лизавета, давно не виделись, – излучая дружескую радость, поздоровался Протасов.

– Привет, – ответила в тон ему не менее дружелюбно она.

Нормально, она вполне справляется, похвалила себя мысленно Лиза, и действительно, он же ее не задушит, да и чтобы прямо коленки тряслись, голосок перехватывало и сердце замирало – не скажешь, чтобы сильно. Отболело, отшумело, может, хоть немного?

– Действительно, как-то давно не виделись, – поддержала она легкую беседу. И спросила вполне намеренно, чтобы напомнить себе суть, их разделяющую: – Как жена, как дочь? Как твоя серьезная работа?

– Да все в полном порядке, Лизонька, – легко и весело отозвался Протасов, поддержал тост за замечательный вечер и встречу, двинутый Кириллом, чокнулся со всеми. Они отпили из бокалов, и Глеб снова повернулся лицом к ней: – Дочь растет умная не по возрасту, рассудительная такая, смешная, Ольга обустраивается на новом месте, мы же в Москву переехали, тебе Кирилл говорил, наверное?

Лиза кивнула: говорил. Она еще тогда подумала, что теперь придется постоянно у него спрашивать, а нет ли там где-нибудь возле него поблизости Протасова, каждый раз, когда захочет встретиться с братом, настолько это уже стало привычкой – избегать встречи с Глебом.

– Ну, вот, пожилы с родителями первое время, квартиру снимали, а полгода назад я собственную квартиру купил, вот Ольга и приводит ее в порядок. А ты как поживаешь?

– Поступила в аспирантуру, в следующем году получу второе высшее, немного работаю, танцую, немного преподаю танец. Ничего особенного, – поддерживая заданный ими дружеский легкий тон, ответила она.

– Ничего себе «ничего»! – возмутился Протасов. – И аспирантура, и второе высшее, и работа, и танцы. А личная жизнь в этот график вписывается? Парень-то у тебя есть?

– Выбираю, – усмехнулась Лиза.

Он хотел сказать что-то еще, но его перебил усиленный микрофоном громкий голос ведущего вечер, на который обернулись все сидящие в зале:

– А, тепе-е-ерь... – растягивал он специально слово, – объявляется король этого вечера! – Он взял интригующую паузу и завершил объявление громким: – Танго! Желающих приглашаем на паркет!

Зазвучали первые аккорды длинного вступления, ожидающего выхода танцоров, редкие пары потянулись на сцену...

– Пойдем? – вдруг развернулся к ней Протасов, и в глазах его запрыгали чертики, и возникло что-то опасное, темное, влекущее.

У Лизы заколотилось сердце, кровь отлила от щек, и стали совершенно холодными пальцы на руках. Она смотрела на него расширившимися от шока глазами и видела его фатальную решимость – как в костер, туда, где огонь, даже если мы мотыльки!

– Нам нельзя. Ты же знаешь, – прошептала она вмиг осипшим горлом.

– Пойдем! – протянул он ей открытую ладонь.

Такой настоящий, честный в своей страстности – не соленький растворчик дружеской беседы ни о чем, скрывающей за своей постной ненужностью все истинное, горящее в каждом из них, а обжигающая, мощная мужская сила чувств.

– Пусть еще раз, наверное, последний в этой жизни мы станцуем его с тобой! – позвал он за собой в огонь женщину. – Давай, Лиза!

И она решительно вложила свою маленькую ручку ему в ладонь и поднялась со стула.

– О! – восхитился Кирилл и пообещал всем сидевшим за столом: – Вы сейчас увидите нечто! Они вдвоем такое выделявают! Обалдеть можно!

И снова разряд тока пробежался по всему ее телу, как только они встали в позицию и она почувствовала ладонями силу его руки и мощные мышцы спины!

И-и-и!

Все повторилось и стало еще сильнее, жарче от запретности, недозволенности и годами сдерживаемых чувств. И у нее накатывались слезы и тут же высыхали от сжигавшего их в танце огня.

Трам! Та-та-да-та-та-й-да! – рыдали вместе с ними скрипки!

Глаза в глаза – она живой огонь в его руках, он укротитель и покоритель этого огня! Она уступает и подчиняется – и восстает, и утверждает свою свободу! Он покоряет и подчиняет – и восхищается ее свободой и покоряется ей!

Трам! Та-та-да-та-та-й-да! – стонал рояль о губительности страстей!

Она пела ему телом песню о своей независимости и ожидании сильного мужчины, который сумеет покорить ее – он отвечал ей обещанием и приглашал попробовать этой сладкой несвободы!

Трам! Та-та-да-та-та-й-да! – хрипел сексуальный аккордеон, оплакивая всех уже погибших от этого огня!

Она порхала, еле касаясь паркета ножками, а он вел, оберегал сильными руками и удерживал ее в этом полете. И Лиза чувствовала его всего, каждое его движение, каждую перекачивающуюся мышцу под кожей – они были одним целым, музыкой и танцем. И утверждали этим танцем торжество чувственной любовной страсти!

Всё! Последний аккорд! Как исполнение приговора!

Несколько мгновений они стояли, тяжело дыша, и неотрывно смотрели друг другу в глаза.

– Браво! – прогремел в микрофон голос ведущего.

И они вернулись на землю, в реальность.

Вместе с остальными парами сделали поклон зрителям и пошли к своему столику.

Опустошенные.

– Боже, ребята! Это просто фантастика, что вы там вытворяли! – встретил их первым Вадим. – Я такого в жизни не видел!

– Это какая-то феерия! – подхватила Надя. – Вы были просто потрясающие! Лиза, вот с кем тебе надо было всегда танцевать, а не с сопливыми партнерами!

– Так нельзя танцевать, от такого танца можно с ума сойти! – вклинился дядя Андрей.

Их теребили, обнимали, хлопали по спинам, передавали из рук в руки, что-то восторженное несло со всех сторон, и даже подтянулись люди с соседних столиков, аплодировали стоя и тоже что-то говорили, и только Маня, хлопая в ладоши, смотрела на Лизу задумавшись, не принимая участие в общем шквальном восторге.

Заиграла музыка, призывая к другому танцу, народ потянулся на танцпол, и восторженные высказывания утихли сами собой. Лиза села на стул возле Мани, налила себе минеральной воды в стакан, выпила залпом, налила еще. К ним подошли Глеб с Вадимом и Лешей. Протасов взял ее ладонь, наклонился, поцеловал легким поцелуем, еле касаясь губами, распрямился:

– Спасибо за танец, – улыбнулся он.

– Тебе тоже спасибо, – улыбнулась она в ответ.

– Лизок, это было шикарно, ты потрясающая девушка! – чуть сдвинув Глеба локтем, протиснулся поближе к ней его друг Леша и тоже, ухватив ее ладошку, поцеловал. – А танцуешь просто отпадно!

– Спасибо, я в курсе, – рассмеялась Лиза, вынимая ручку из его ладони.

– Манечка, – обратился к жене друга Протасов, – мы украдем у тебя Потапова? Хотим пойти куда-нибудь посидеть чисто мужским коллективом.

– Да берите! – рассмеялась Маняша. – Только верните в целости и сохранности.

– Обещаю! – приложил руку к сердцу Глеб. – В целости так точно, а насчет сохранности, это как пойдет. Ну все, девочки, пока! Рад был увидаться, – обратился он к Лизе и неожиданно наклонился и поцеловал в щеку, как обжег. – Еще раз спасибо за танец, Лизок. Мы с тобой зажгли!

– Это точно, – ошарашенно подтвердила Лиза.

И вернувшись поздним вечером домой, прошла в комнату, сняла со стены картину – приз за их первый танец – и убрала в самый дальний угол кладовки. Насовсем.

В следующий раз она увидела его через полгода.

На похоронах его дочери.

Он был черный от горя и никого не замечал рядом. Лиза даже не подошла выразить соболезнования, предположив, что Ольге будет неприятно ее видеть, а Глебу так и вообще незачем. И на поминки она не поехала. Расспрашивала потом Кирилла, как там у Протасова дела, предлагала помощь какую-нибудь, она знала действительно хороших и достойных психологов и могла помочь к ним попасть. Но Кирилл уверял, что не надо.

Он же и рассказал ей, что Глеб практически перестал встречаться с друзьями, вроде как купил где-то дом с участком и переехал туда жить, и вроде как один, без Ольги. Или Ольга туда просто приезжает, но не живет постоянно? Про жену Глеба Лиза старалась вопросов не задавать.

– Как в деревне? – удивлялась искренне Лиза. – Он же талантливый инженер-механик, руководитель, какое сельское хозяйство?

– А вот так! – мрачнел Кирилл. – Ушел он с работы!

Чуть больше двух лет прошло после смерти его дочери, а он так и живет в деревне. Теперь вот выяснилось, в Тамбовской области. Видимо, в этой местности «товарищей» нашел для своей тоски.

«Что там между вами случилось...» – усмехнулась про себя Лиза, посмотрев в напряженный затылок брата, ведущего машину.

С ними случилось Аргентинское танго, и ничего больше.

И то в другой жизни.

Каким он теперь стал? И Лиза почувствовала, как у нее засосало под ложечкой от предчувствия неприятностей.

Ох, не надо бы им встречаться, вот к бабке не ходи – не надо!

Места здесь и на самом деле оказались великолепные!

Свернув с основной трассы, они проехали какой-то маленький городишко, потом потянулись поля и луга с темной, мокрой землей, с проплешинами кое-где не стаявшего до конца снега, перемежающиеся небольшими рощицами и подлесками. Васнецовские величественные, густые леса маячили где-то далеко на горизонте, показывая лишь свои богатырские бока.

Затем неожиданно выскочила излучина реки с крутыми берегами, заросшими ивняком, от которой они повернули влево и снова через поля. Миновали краем большое село с высокой колоколенкой церкви, видной издали, проехали, как через почетный караул, сквозь молодой лесок, выстроившийся по обеим сторонам дороги. А за ним открылась потрясающая панорама – на плоской возвышенности стояло несколько домов: один большой, двухэтажный, с мансардой на третьем, явно хозяйский, видный из-за высокого серьезного деревянного забора, и несколько крыш одноэтажных построек в разных углах впечатляющего размерами участка. Еще виднелась какая-то длинная одноэтажная постройка типа коровника, что ли, но далеко от домов, за другим забором, ближе к покатому спуску с возвышенности.

Вперед простиралось дикое поле, которое «врезалось» большим клином в лес, обступавший его с двух сторон. Слева от участка, или как его назвать... хозяйства – так, наверное, правильнее... слева шел пологий спуск, где-то с километр, через луг, и заканчивался он речушкой, вполне себе бойкой и явно глубокой, заросшей по берегам деревьями и кустарниками. А справа проходила дорога, по которой они ехали, между самой возвышенностью и большим лугом, упиравшимся в еще один лес, но далеко, еле виднеющийся, в который и «ныряла» дорога, потеряв по ходу, где-то метров через триста, дорожное полотно и превращаясь в грунтовку.

В сгущающихся все больше и больше сумерках казалось, что окружающая природа словно растворяется, мерцает, парит и затихает, готовясь к переходу в ночь. И этот эффект только усиливал красоту пейзажа.

– Ну вот и приехали, – бодренько сообщил Кирилл. – Вон, Лиза, смотри, хозяйство протасовское. И как отыскал только этот хутор в лесах тамбовских, каждый раз смотрю и поражаюсь! Сюда без машины и не доберешься, разве что пешком, от остановки автобуса на трассе у села, но это километров десять, не меньше.

Вот уж воистину: как отыскал?

– А до села сколько? – полюбопытствовала Лиза.

– Семь километров. Это же хутор, – пояснял Кирилл, отчего-то вдруг переполнившись энтузиазмом и приподнятым настроением. – Раньше здесь было хозяйство зажиточного купца, после революции купца, разумеется, раскулачили и в Сибирь отправили, но дома не пожгли, а отдали под сельскую школу. Потом новую школу построили уже в самом селе, чтобы детям было поближе. Из хутора сделали больницу, но через несколько лет она сгорела, и долгие годы стояло все бесхозным пепелищем. В девяностых какой-то местный деятель, резко разбогатевший, выкупил этот участок у колхоза. Причем не только сам хутор, но и земли вокруг, и построил этот дом, баню шикарную, домик для гостей, хозяйственные постройки, сараи там всякие, гаражи: все капитальное, навороченное, модное по тем временам. И вон видишь длинное такое здание, – указал он вперед, – это конюшня. Думал мужик лошадей разводить и бизнес сделать. Да только грохнули его, как и полагается в те годы. Ну и все это добро долго стояло бесхозным, особо желающих забираться в глушь, в леса тамбовские, не находилось. К тому же, если ты заметила, это «конечная станция», дорога у хутора и заканчивается. Нет, она идет дальше, вон, видишь, да только это уже грунтовка, а дорожное покрытие только до ворот и есть, – и он указал рукой вперед на развилку.

Забирая чуть правее, вперед уходила дорога, заасфальтированная еще метров двести, дальше дорожное покрытие заканчивалось и начиналась колея, уходящая в лес. Кирилл же повернул на развилке налево, и машина медленно стала подниматься вверх по добротной асфальтированной дороге, ведущей к воротам хозяйства.

– Тому, кто ищет тишины, самое то, – продолжил бодрое повествование Кирилл. – Потом хутор этот купили какие-то иностранцы, собирались экспериментальное хозяйство устраивать, но через два года разорились в российской-то действительности, и снова хутор долго не могли продать. Лет семь назад его купили последние хозяева и устроили тут конеферму. Разводили породистых лошадей, продавали и конный туризм здесь организовали, вроде даже процветали, но в кризис сильно попали, и постепенно бизнес сошел на нет. Вот у них Протасов и купил все это добро с землями и полями.

На этом финале повествования они подъехали к высоким и мощным деревянным воротам, большущие створки которых, дернувшись могучим телом, медленно начали распахиваться внутрь участка.

– Да, Лиз, – развернувшись на сиденье, посмотрел на нее Кирилл, став вдруг очень серьезным. – Я хотел сказать. Он сильно изменился. Стал другим. Не удивляйся так уж открыто. И постарайся даже не намекать про Алису. Это табу.

– Постараюсь, – недовольно пообещала она.

Ворота распахнулись, и они медленно въехали на участок, Кирилл кивнул какому-то мужичку, открывшему для них ворота, и махнул: мол, подходи. Мужик кивнул в ответ, что понял. Они покатали дальше, свернули влево, проехали несколько метров по мощеной дорожке и остановились у открытых ворот приземистого здания гаража, рассчитанного на несколько машин.

– Выходим, барышни! – весело распорядился Кирилл, заглушив мотор.

Лиза выбралась из машины, с удовольствием потянулась, присела пару раз, сделала наклоны, хоть немного разминаясь после многочасового сидения в машине и осматриваясь вокруг.

Особо разглядеть что-то ей не удалось, сумерки практически растаяли, уступая законное место ночи, и в наступающей темноте просматривались лишь очертания зданий и деревьев на участке.

На крыльце большого хозяйского дома зажглись фонари, осветив застекленную веранду, уютный круглый плетеный столик, кресла вокруг него. На веранду вела широкая лестница. В настоящей природной темноте ночи, не размытой никакими огнями и шумом города, этот свет и эта веранда казались единственным островком людского жилья, особо уютными, как теплое пристанище для усталого путника, в котором тебя ждут спасение, и защита, и помощь.

Умиротворенность этой почти пасторальной картинке портила фигура хозяина, стоявшего неподвижно на верхней ступеньке лестницы, скрестив руки на груди. Выражение его лица было не рассмотреть, но весь его вид, напряженная поза и то, что он не пошел им навстречу, прямо говорили о том, что хозяин не слишком гостеприимно настроен.

Лиза разволновалась и напряглась и все всматривалась в эту одинокую фигуру, казавшуюся ей почему-то грозной, и чем ближе они подходили к дому, тем сильнее она нервничала.

– Кажется, нам здесь не до конца рады, – оценила она почти демонстративную холодность приема фразой из известного спектакля «Ленкома»

– Лиз, я же тебя попросил, – быстренько напомнил брат шепотом и тут же веселым, чересчур жизнерадостным тоном обратился к хозяину: – Что гостей не встречаешь, Глеб Максимович? Идем к машине, надо разгрузить кое-что. Я и Николаю махнул, чтобы к гаражам подходил.

– Привет, – снизошел-таки до приветствия хозяин, когда гости подошли к самым ступенькам лестницы, но позы не изменил и двигаться навстречу не торопился, а спросил нейтральным тоном: – Что разгружать?

– Тебе понравится, – пообещал Кирилл.

– Здравствуй, Маня, – поздоровался Протасов с женой друга.

– Здравствуй, Глеб.

– Привет, Лизавета, а тебя сюда как занесло? – бесцветно спросил он.

– На машине, – буркнула Лиза. – К тебе, говорят, по-другому не добраться.

– А я никого в гости не зову, – уведомил он не самым добрым тоном.

– Да ладно тебе бирюка хуторского изображать! – тут же вмешался жизнерадостно-оптимистично Кирилл. – Идем, подарки посмотришь, а девочки нам быстренько стол соорудят, мы всяческих вкусняшек привезли.

И, приобняв обеих барышень за талии, принялся подталкивать их вперед, к лестнице:

– Правда, девочки, накроете нам стол?

– Накроем, если хозяин разрешит, – назидательно напомнила Маня, подчеркивая каждое слово.

– Ладно, раз уж приехали, – дал разрешение на все Протасов.

Он спустился по лестнице, прошел мимо стоявших гостей и направился в сторону гаражей, Кирилл присоединился к нему и пристроился рядом, что-то рассказывая мрачному хозяину и энергично жестикулируя.

– Это что, типа приглашение? Такое вот кипучее дружелюбие? – слегка обалдев, спросила Лиза, глядя вслед удаляющимся мужчинам.

– Скорее объявление, что он готов нас потерпеть, – вздохнула Маня, перекинула тяжелую сумку из одной руки в другую, взяла Лизу под локоток и потянула за собой. – Это еще лучший случай. Один раз нам пришлось в селе на постой проситься, когда мы всей компанией завалились, разумеется, без предупреждения, а однажды он нам с Кириллом даже ворота не открыл.

– И что, вы так и уехали? – потрясенно уточнила Лиза.

– Ну, не совсем, – улыбнулась Маня, открывая входную дверь. – Кирюха залез через забор и открыл сам. Протасов вышел на крыльцо, сказал, чтобы мы убирались, и в дом нас не пустил. Ну, мы в бане устроились, Колю с Верой позвали, стол накрыли. Ничего, к вечеру он отошел и присоединился к компании.

– Манечка, вы хоть понимаете, что это ненормально? – встревоженно спросила Лиза.

– Понимаем, – посмотрела ей в глаза твердым, колючим взглядом невестка. – Поэтому и ездим. И мы, и все его друзья ездят вот так, нахрапом. И ты, Лиза, не берись ни о чем сразу судить, присмотришься к нему, хорошо?

– Ладно, – кивнула Лизавета и переключилась на дом: – А ничего так себе хоромы! Сильно впечатляет и как минимум интригует!

– Да, – улыбнулась Маня, обводя взглядом прихожую, выдержанную в стиле средневекового замка. – Это от прежних хозяев ему досталось. Но мы сейчас ничего рассматривать не будем, пошли скорее в кухню, стол накроем. Во-первых, есть ужасно хочется, а во-вторых, мужики скоро вернутся.

Кухня средневековый стиль оформления поддерживала и продолжала: массивный камин с устройством для вертела внутри, темные, тяжелые потолочные балки, каменный «остров», над которым висели огромные, видимо, тяжелые, медные сковороды и кастрюли, большие черпаки и половники, столешница вдоль одной стены из камня, и стена над ней отделана камнем, огромный котел в углу – как часть интерьера, и много иных деталей, которые Лиза рассмотреть не успела, поторапливаемая невесткой.

– Это что, все настоящее? – как девочка, попавшая в сказку, зачарованно спросила она.

– Настоящее. Можешь не сомневаться, – усмехнулась Маша. – Я тоже так отреагировала, когда увидела в первый раз. Правда, здорово?

– Да прямо средневековый замок Европы! – восхитилась Лиза.

– Точно, – Маня выкладывала продукты из сумок на массивный деревянный стол. – Это все от прежних хозяев осталось, они специально все так декорировали. Думали туристов привлекать, что-то типа отеля сделать, устраивать конные турниры средневековые, бывший хозяин этим очень увлекался. Тут все подлинное, насколько мне известно, этот стол им вообще из Англии везли целых три месяца. А все светильники уже здесь ковали, в селе раньше хорошая кузница была.

– Это ты от Протасова узнала? – уточнила Лиза.

– Да нет, он мало говорит, – вздохнула Маня. – Это Коля с Верой рассказали. Они у прежних хозяев работали с самого начала, как те здесь поселились, ну а теперь вот у Протасова. Но этот домик с такими сюрпризами, ты и представить не можешь, – загадочно улыбнулась она. – Это уже Протасов наворотил за полтора года, всякие устройства и механизмы, вообще нечто. Этот дом полностью автономен и экологичен. Ну, я в этом не разбираюсь, может, тебе сам Глеб и расскажет.

– А Ольга сюда приезжает? – спросила почему-то осторожно Лиза.

– Нет, – сразу помрачнела Маня. – Они развелись и разорвали всяческие отношения, – вздохнула и руководящим тоном приказала: – Давай, Лиза, стол накрывать, ничего я тебе больше не расскажу, сама все увидишь и поймешь. А если чего не поймешь, у Протасова спросишь, может, тебе он и ответит.

Угощение получилось хоть и не банкетное, но на славу. И еще какую славу! Кирилл с Маняшей расстарались, привезли с собой и большой пирог, и несколько салатов, которые заправили сейчас, прямо перед подачей, и заливную рыбу в большом плоском лотке, овощи разные и замороженные пельмени ручной лепки. Лиза только руками разводила и крутила от удивления головой, поражаясь такой серьезной подготовке.

– Ни фиги вы, ребята, в гости собрались! И, главное, мне ни слова! – возмутилась она. – Ну, Маня, ты интриганка!

Пришли и Вера с Колей, которых настойчиво звал на застолье Кирилл, они, правда отнекивались, смущались, и Маня шепнула Лизе на ухо:

– Это они тебя стесняются, ты человек незнакомый, мало ли в каких отношениях с хозяином и мало ли что подумаешь, а наемным рабочим за хозяйский стол не положено, ну, так считается.

– А Протасов их за свой стол приглашает?

– Иногда, – не стала ничего объяснять Маня.

Глеб пришел в кухню и присоединился к компании последним. Кирилл вел беседу, не меняя выбранного тона некой бравурной жизнерадостности, игнорируя явную нелюдимость хозяина. Маня мужа поддерживала, помогая втягивать в общий разговор и работников, и Лизу, что-то там про возможный урожай, посев, про Олимпиаду и текущие политические события.

Словом, беседа велась довольно оживленная, Коля с Верой оказались людьми общительными, к тому же образованными, и после первых двух рюмочек под заливное и салаты уже активно принимали участие в разговоре. Усилиями четы Потаповых создавалось впечатление вполне дружеского и радостного застолья, если не брать в расчет того, что хозяин практически не принимал участия в разговоре, мало ел и совсем не пил. Да и Лиза постоянно теряла суть и течение общей беседы и обсуждения, незаметно, но внимательно рассматривая Протасова.

Он действительно изменился. Но она никак не ожидала, что настолько! Та чернота, которая отпечаталась на его лице, когда она его видела в день похорон, словно опустилась в душу и теперь разъедала ее изнутри. Он выглядел намного старше своих тридцати пяти: глубокие морщины у губ и между бровей, нос заострился, и стала гораздо более заметной горбинка, две седых пряди появились в волосах, одна на короткой челке справа, вторая слева за виском. На всем его облике лежала печать тяжелейшего горя и жесткой отгороженности от мира и от людей.

Лиза несколько раз попыталась заговорить с ним, о чем-то спрашивала, но он отвечал односложно или вообще не отвечал, а потом и вовсе встал и вышел, никому ничего не говоря. Лиза вопросительно посмотрела на невестку: мол, это что? Маня махнула рукой: не обращай внимания, это нормально, – и вернулась к общей беседе.

Лиза окинула взглядом шикарный стол и веселую компанию и усмехнулась: нет, ну они вообще хорошо сидят, эти четверо – с пельмешками да под закусочку выпивали доброй водочки, с удовольствием общались, грозились еще и в баню пойти, которая, как выяснилось, сегодня топилась и еще не остыла, можно и раскочегарить в пять минут. Полная любовь и дачное взаимопонимание у людей!

А Лиза с Глебом как бы выпали из этой душевной компании, оба спиртного не пили, ели мало и в общем разговоре участия практически не принимали. Лиза вообще мало и редко пила, а сегодня уж тем более не хотелось в непонятной ей и незнакомой обстановке, а Протасову – она отметила этот факт – даже и не предлагал никто налить, видимо, он давно отказался от алкоголя.

– А можно у вас тут прогуляться или вы после захода солнца по двору уже не ходите? – спросила она у Николая.

– Почему не ходим? – удивился слегка захмелевший Коля. – Ходим, дела делаем. Только свет надо включить.

– Идемте, я вам включу! – подскочила его жена с места. – И покажу, что там и как.

– Идемте, – поднялась следом за ней Лиза.

– У нас тут вдоль дорожек фонари стоят, хорошо светят, – пояснила Вера, что-то включая на щитке у входной двери. – Правда, мы их редко зажигаем, Глеб Максимович и без них ходит и все видит, а нам с Колей без надобности. Ну вот, можете идти, – улыбнулась она девушке.

Лиза надела куртку, ботинки, поблагодарила кивком головы женщину, с трудом отворила тяжелую дверь и вышла на веранду. Разумеется, фонари были исполнены в форме средневековых светильников, но освещали они и впрямь хорошо, по крайней мере, вокруг дорожек вполне все просматривалось.

Она пошла по одной из вымощенных дорожек и добрела до приземистого, довольно большого одноэтажного здания, оказавшегося баней. Заходить туда она не стала и свернула на другую дорожку, ведущую на противоположный конец участка, к симпатичному небольшому домику. Не доходя до него, Лиза перешла еще на одну дорожку, петляющую между деревьев в саду и неожиданно выскочившую сбоку к центральному входу хозяйского дома.

На освещенной веранде, закутавшись в какой-то меховой тулуп, сидел Протасов в кресле, придвинутом в арку распахнутых дверей, к самым ступенькам. Лиза постояла, прикидывая, сделать ли вид, что не заметила его и идти дальше, или как-то обозначить свое присутствие, и поняла, что он смотрит прямо на нее.

– Привет, – тихо сказала Лиза, подходя ближе к ступенькам и глядя снизу вверх на него, – ты чего здесь сидишь?

– Гуляю, – после довольно долгой паузы все-таки ответил Протасов без дружелюбия в голосе.

Она поднялась по ступенькам и встала перед ним. Помолчали.

И вдруг Лизе так сильно, до непереносимости, до невозможности остановить этот накрывший с головой эмоциональный порыв, захотелось его растряссти, сказать что-то, может, даже ударить, сделать хоть что-то, чтобы он стал прежним, живым или хотя бы проявил какие-то эмоции, заговорил нормально. И это незнакомое не подконтрольное нечто внутри нее – сильное, мощное, обжигающее – подтолкнуло ее на провокацию:

– Я не подходила к тебе на похоронах Алисы. Хочу теперь выразить свое соболезнование, – все-таки сдержалась в последний момент и смягчила те выражения и слова, что рвались из нее огненной лавой, словно чертом подхлестываемые.

А он ничего не ответил.

Просто промолчал, и все! Будто Лизы и не было рядом, а он все так же сам себе тут «гуляет».

«Не в этом случае!» – решительно подумала Лизавета, заведясь бесповоротно, как в бедовую пропасть ухнув.

– Считается, что души умерших детей настолько чистые, что они сразу попадают в рай, в Царство Божие, или становятся ангелами, – тихо сказала она, внимательно вглядываясь в выражение его лица. Он повернул к ней голову, посмотрел прямо в глаза и очень холодным, твердым голосом потребовал:

– Прекрати нести эту чухню. И не смей говорить про Алису. Я запрещаю тебе.

– Ну, почему чухню, – спокойно возразила Лиза, напрочь проигнорировав и его грозный тон, и его требования. – Есть множество, миллионы свидетельств людей, прошедших клиническую смерть, и работы сильных медиумов и экстрасенсов о жизни и путях души после смерти, и даже наука доказала, что это правда, и душа после смерти продолжает свою жизнь.

Протасов резко поднялся из кресла, так, что оно отлетело, проскрежетав по полу, шагнул вперед, уронив доху и даже не заметив этого, и навис угрожающей, мрачной фигурой над Лизой.

– Замолчи немедленно! – потребовал он и повторил: – Я запрещаю тебе говорить о моем ребенке и произносить весь этот бред вслух! Если хочешь порассуждать на эти темы, то в другом месте! А раз приехала ко мне, то будь любезна подчиняться моим правилам! А они таковы: никто не смеет здесь даже упоминать о смерти Алисы. Понятно?

– То есть ты в загробную жизнь не веришь? – все так же спокойно и почти в режиме легкой беседы уточнила Лиза, полностью проигнорировав все его предупреждения и пугающий тон, и продолжила теософский «спор»: – Во всех религиях признается и описывается и ад, и рай, и путь души после смерти.

– Так! – грозно прорычал Протасов, и у него сделалось ужасное выражение лица, словно его судорогой перекосило: – Все! Ты...

– Ты слышал легенды о птице счастья? – перебила она его и, отступив на шаг, отвернулась и посмотрела куда-то вдаль. – О синей птице счастья? – повернула голову, посмотрела на него и снова отвернулась, продолжив: – А ты знаешь, что в лесах Амазонки, то есть в джунглях, водится чудесная птица, полностью синяя, и местные аборигены одного племени верят, что если эта птица сядет рядом с человеком или тому удастся подкрасться и постоять рядом с ней, то ему всю жизнь будет сопутствовать удача во всем. А аборигены другого племени охотятся за этими птицами и делают из них чучела и украшают ими свои головные уборы, считая, что это приманивает к ним удачу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.